

Евгений
Санин

ТАЙНА Рубинового Креста

Евгений Георгиевич Санин
Тайна рубинового креста
Серия «Тайна Рубинового
Креста», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44911079

*Тайна рубинового креста. Роман для отроческого возраста / Е. Санин:
Сатишь; Санкт-Петербург; 2005
ISBN 978-5-7868-0053-2*

Аннотация

Повесть Евгения Санина «Тайна рубинового креста» – книга необычная.

В ней таинственным образом перекликаются события глубокой древности и сегодняшнего дня. Сегодня не меньше (а может и больше), чем в древности, требуются искренность, твердость и любовь. И сегодня главной целью жизни, которую так упорно ищет главный герой, паренек Стас, является истинная вера и спасение.

Мы встретимся на страницах книги со многими, далеко не только безмятежными, приметами наших дней. Жестокость, вольная и невольная подлость, наркотики... И в то же время – стремление к правде и чистоте, к тому настоящему, без чего невозможно было жить в те давние века, без чего страшно

остаться сейчас. Вся книга о том, что встречи с Богом всегда ждет душа, что только Христос может вывести нас из любой тьмы.

Книга будет интересна детям – ее сюжет захватывает и увлекает; она поможет и взрослым – поможет понять детей, поможет вспомнить, как трудно и как необходимо найти в детстве Правду и Любовь.

Содержание

Часть первая	9
Пролог	10
Глава первая	16
1	16
2	18
3	20
4	25
Глава вторая	28
1	28
2	30
3	32
4	36
5	39
6	42
7	46
Глава третья	51
1	51
2	55
3	59
4	61
5	64
Глава четвертая	67
1	67

2	68
3	73
4	75
Глава пятая	81
1	81
2	83
3	91
4	92
5	98
6	98
Глава шестая	103
1	103
2	106
3	109
4	112
Глава седьмая	119
1	119
2	124
3	130
4	134
5	136
6	141
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Евгений Санин

Тайна рубинового креста

*Светлой памяти родителей моих, Георгия,
Ирины, и отца моего духовного монаха Прокопия
посвящаю...*

По благословению
Архиепископа Брюссельского и Бельгийского
СИМОНА

© Е. Санин, текст, 2005

© Издательство «Сатисъ», оригинал-макет, оформление,
2005

Часть первая

Тайна рубинового креста

*Светлой памяти родителей моих, Георгия,
Ирины, и отца моего духовного монаха Прокопия
посвящаю...*

Пролог

В каждой новой истории, даже самой неинтересной, есть какая-то тайна. Хотя бы в том, какой у нее будет конец. А эта... эта уже началась таинственно и необычно в древнем,

основанном еще в XII или XIII (тоже загадка!) веке монастыре. Началась в тот самый предутренний час, когда сон людей особенно крепок и сладок.

В гулком, темном храме, освещенном лишь лампадами у икон да редкими свечами, размеренно и привычно шла служба, совершалось таинство исповеди.

Паломники один за другим подходили к аналою, возле которого стоял священник-монах. Они каялись в своих грехах: одни по памяти, другие по бумажке. Священник рвал бумажки на части, покрывал голову кающихся епитрахилью, негромко творил молитву и благословлял причащаться. Потом, выйдя из царских врат в красивой золотистой митре, он сказал такую проповедь, что плакали не только старушки, но и заблестели глаза у мужчин, среди которых был даже военный...

После службы этого священника у входа в храм с нетерпением поджидала целая толпа народа. Едва он появился на крыльце, люди с радостными возгласами «Старец... старец... отец Тихон идет!» бросились к нему.

Два крепких послушника, привычно тесня толпу, образовали живой коридор перед старцем, который, не останавливаясь, прямо на ходу благословлял, отвечал на вопросы, давал советы...

Какая-то женщина плакала от счастья – ей удалось передать записку с именем своего сына. Другая кричала прямо через головы:

– Батюшка! У меня муж офицер, на границе без вести пропал! Полгода ни слуха ни духа...

– Всё хорошо... всё хорошо будет! – мимоходом бросил ей старец. – Вернётся!

– Правда?.. – веря и не веря пролепетала женщина.

По толпе из уст в уста пронесся восторженный шепот, и послышался уверенный, даже чуть недовольный голос послушника:

– Раз старец сказал, – значит, вернется!

Женщина просияла, а дожидаящийся своей очереди парень удивленно спросил стоявшего рядом пожилого мужчину в монашеском одеянии:

– Какой же он старец? Ему и пятидесяти еще нет!

– А это не от возраста зависит, – ответил тот. – Старцами становятся по воле Божьей, за особую святость жизни!

Парень кивком поблагодарил монаха и, когда старец поравнялся с ним, неумело сложил руки под благословение и, боясь не успеть, торопливо сказал:

– Благословите храм у себя в Покровке восстановить! А то – креста нет... купол осыпался... на стенах – березки... Смотреть больно!

Старец остановился, сам положил, как положено, правую ладонь парня на левую и ласково сказал:

– Благое дело задумал. Бог благословит! Как, говоришь, село называется?

– Покровка!

– Пок...ровка?.. – в лице старца что-то дрогнуло. Взор его затуманился, он даже тряхнул головой, словно отгоняя неожиданно поразившую его мысль. – Это – в Рязанской области?

– Не в области – в крае, в Красноярском! – заулыбался парень – Из Сибири я!

– А, ну да, ну да... – рассеянно кивнул старец и, уже не останавливаясь, не отвечая больше ни на чьи вопросы, направился прямо в братский корпус.

Здесь, в своей келье, он долго смотрел на иконы, молился, затем перевел взгляд на зарозовевшее от первых солнечных лучей окно и прошептал:

– Нет! Не могу... не смогу!

Через пять минут он уже был в домике настоятеля монастыря.

Старый седой архимандрит встретил его слегка удивленно, но с улыбкой:

– Ну, отче... Только хотел келейника за тобой послать, а ты уже здесь! Что, решил меня своей прозорливостью удивить? Не выйдет! Признавайся: отец Феодор уже успел передать, что я буду просить тебя подменить его на время отпуска, а?

– Да нет, как раз наоборот, – через силу усмехнулся старец. – Это я сам пришел просить благословения пустить меня в отпуск!

– Ты? В отпуск?! – не поверил настоятель. – Позволь...

За пятнадцать лет ты и слышать не хотел о нем! Даже от поездки по святым местам отказался, ни разу не выходил за стены монастыря. И вдруг... в то самое время, когда наплыв паломников, когда у меня почти все иеромонахи в разъезде – в отпуск? Нет! И потом, отче, с твоим сердцем...

– Да я уже забыл, с какой оно стороны находится! – попробовал пошутить старец, но настоятель повысил голос:

– Это здесь, в монастыре! А в миру? Ты хоть представляешь, что там теперь творится? Хотя откуда... Ни радио, ни телевизора... Одно дело слухи, и совсем другое – увидеть мир своими глазами. Он же сразу убьет тебя! Нет, нет, и не проси. Не пущу.

– Ну, тогда я сам пойду! – спокойно заявил старец.

– Ну и иди! – вспылил настоятель. – Оставляй монашескую одежду и ступай! На все четыре стороны!

– И оставлю. И пойду! – решительно направился к двери старец, но настоятель придержал его за край мантии:

– погоди. Сядь. Неужели все так серьезно? Случилось что?

– Да. Иначе бы не пришел.

– Что именно?

– Нет... Не могу рассказать, – подумав, покачал головой старец. – Да... Язык не поворачивается. Разве что...

Он пододвинул листок бумаги, написал несколько слов и протянул настоятелю. Тот, совсем как старец недавно читал записки паломников, прочитал написанное, почти с ужасом

взглянул на него и удрученно покачал головой:

– Да... Дело и впрямь серьезное. Даже слишком... И как же ты намерен все это исправить?

Старец невозмутимо пожал плечами и произнес длинную ритмичную фразу на чужом языке.

– Ох, уж эта твоя любовь к латыни! – проворчал настоятель. – Что это по-русски хоть значит?

– Тот сделал половину дела, кто уже начал его! – охотно перевел старец.

Настоятель вздохнул:

– Вижу, настроен ты решительно! Что же мне теперь с тобой делать? Отпустить не могу. Но и задерживать не вправе. Ладно. Поезжай. Бог благословит.

Он обнял старца, попросил хоть попить с ним перед дорогой чаю, и когда тот вышел на крыльцо настоятельского дома, стало уже совсем светло. Пели птицы. За монастырскими стенами шумели машины, торопились идущие на работу люди – началось уже настоящее летнее утро...

Глава первая

1

– Хорошо-то как здесь!.. – прошептала мама

Если бы Стас Теплов знал, какие необыкновенные каникулы ожидают его в деревне, то не только б не умолял родителей оставить его дома, с друзьями, но еще и поторопил бы их с отъездом!

Целый день, ворча и вздыхая, он набивал свой рюкзак машинками, пистолетами и другими «бесценными сокровищами», которые, как казалось ему тогда, могли скрасить скуку деревенских каникул. После долгого спора – ох, уж эта мама! – бросил на дно самую тонкую книжку из школьной библиотеки. Зато кассеты любимых групп положил сверху. А плеер – в карман куртки-ветровки.

Закончив сборы, он надел наушники, уселся на подоконник и, приняв любимую позу – сгорбившись, руки в карманы, – стал ждать.

– Все! – объявил наконец папа. – Оделись и присели на дорожку!

Посидев, по обычаю, в одежде и обуви кто на чем, они

вышли из дома и доехали до вокзала.

Всю ночь поезд уносил их от Москвы, а наутро Стас уже стоял на земляном перроне деревенского полустанка и блаженно вдыхал свежий воздух, быстро прогонявший остатки дорожного сна.

Впереди было огромное, похожее на море с зелеными волнами поле и дальше, до самого горизонта – сплошные леса!

– Хорошо-то как здесь!.. – прошептала мама.

– Да, это вам не наш двор! – восторженно закричал Стас. – Тут за два дня не обежать, а то и три мало будет!

– Повел бы вас красивой дорогой, да сумки тяжелые! – посоветовал папа, которому принадлежала идея купить дом под дачу в деревне. Лицо его вдруг сделалось строгим: – Пойдем напрямик через карьер, над затопленным котлованом. Без меня туда ни ногой: тропинка опасная, а глубина – тридцать метров!

– Стасик! – забеспокоилась мама. – Ты все слышал?

– Да!

– И все-все понял?

– Ну да же! – буркнул Стас. – Мало вам, что я один на все лето остался, так еще и нельзя ничего?

– Было бы желание, – берясь за сумку, успокоил его папа. – А друзей везде можно найти!

...И тут произошло неожиданное

Не прошло и часа, как Стас, действительно, нашел себе друга.

Произошло это так.

Наскоро позавтракав, он осмотрел пахнувший сыростью дом и отправился знакомиться с деревней.

После привычных проспектов и городских многоэтажек все ему здесь было в диковинку.

Улицу из конца в конец он прошел за каких-нибудь пять минут. И за все это время не увидел ни одного автомобиля, за исключением старого «Запорожца», на котором большими буквами было написано «МАШИНА», очевидно, чтобы кто-нибудь не подумал, что это что-то другое. А встретил лишь двух женщин у колодца с вертушкой да однорукого старика в валенках и футболке.

Почти все дома в деревне были из толстых бревен. Одни радовали своей крепостью и яркими красками, другие покоились от времени, и только по занавескам на окнах можно было догадаться, что здесь живут еще люди.

Дойдя до красно-кирпичной полуразрушенной церкви, на карнизах которой росли березки, Стас зашагал обратно. У колодца с вертушкой он свернул на соседнюю улицу и увидел коренастого, загорелого мальчика, собиравшего вдоль пыль-

ной дороги мелкие камни. Ему помогала очень похожая на него курносая, веснушчатая девочка, лет семи.

– А мы гальку для аквариума собираем! – похвасталась она. – У нас карасик и виляйхвосты!

– Вуалехвосты! – поправил мальчик и, с какой-то взрослой солидностью, протянул руку: – Ваня!

– Стасик!

И тут произошло неожиданное. Мальчик вдруг прыснул в кулак, а девочка юркнула ему за спину.

– Чего это с вами? – не понял Стас.

– Да так... ничего... у нас стасиками тараканов зовут! Она их, знаешь, как боится! – пряча улыбку, объяснил Ваня и приказал сестре: – А ну, поздоровайся.

– А у него усов нет? – пискнула та. – Не укусит?

– Нет у меня усов. Они у меня бывают, только когда я кефир пью! – мрачно пошутил Стас. – И зубы, видишь, какие? – Разве такими укусишь?

Девочка вышла и кокетливо улыбнулась:

– Елена!

– Ну и молодежь пошла! – покачал головой Стас.

– Тоже мне – стародежь! – наморщила носик Лена и сделала серьезное лицо: – Некогда мне с вами тут разговаривать.

Подражая, очевидно, походке своей матери, она деловито зашагала к дому, на ходу созывая кур.

– Чудная! – кивнул ей вслед Ваня. – Все слова по-своему понимает. – И тут же, безо всякой связи предложил: – Ну

что, может, в ножичек поиграем?

3

Неожиданно под лопатой что-то звякнуло

Удивительная вещь мальчишеская дружба – легка, крепка, а уж быстра!.. Утром познакомились, до обеда подрались, к полднику помирились, а вечером стали друзьями – водой не разольешь!

Тогда-то и предложил Ваня порыбачить на своем заветном месте.

– Плотвы там видимо-невидимо, а окуни – во какие! – показал он до самого локтя. – Пошли прямо завтра?

– Идем! – радостно подхватил Стас.

– Тогда накопай на грядке червей! – заводя его в калитку, как-то хитро прищурился Ваня. – А то у меня, знаешь, сколько по дому дел!..

Стас включил плеер, на который с завистью покосился Ваня, и принялся за работу.

Через десять минут он взмок. Через полчаса сбросил ветровку. А через час лопата сама стала валиться из рук. В консервную же банку за это время упало всего лишь три червяка.

– Вань! – не выдержав, закричал наконец Стас. – Тебе что – надо, чтобы я эту грядку вскопал?!

– Почему? Черви тоже нужны! – подбежав, усмехнулся Ваня и взял из его рук лопату. – Мы же ведь не в карьер – на речку идем.

– А что, разве в карьере нет рыбы? – удивился Стас, вспоминая огромную водяную воронку.

– Ни одной! – уверенно сказал Ваня, на что Стас еще более уверенно заявил:

– Да ну? Ни за что не поверю!

– Спорим?.. На плейер!

– Нет! – отказался Стас. – Если хочешь, и так послушай.

– Давай! – обрадовался Ваня.

– И я! – затеребила его за рубашку Лена. – Дайте и мне радио послушать!

– Это не радио, а плейер! – усмехнулся Стас.

– Блеер! – послушав, засмеялась Лена. – Потому что блеет совсем как баран у бабы Поли!

– Это наша бабушка! – объяснил Ваня. – Она сейчас умирает!

– От чего? – поежился Стас, не любивший разговоров о смерти и всего того, что напоминало о ней.

– От старости. Ей мама уколы ходит делать, она у нас – процедурная медсестра! – с гордостью сказал Ваня.

– Процеумная! – поправила Лена.

– А у меня папа – хирург! – с видом явного превосходства усмехнулся Стас.

Ваня, словно обидевшись на то, что ему нечего возразить

на это, стал еще быстрее вскапывать грядку. Лена тоже разом поскучнела и молча стояла рядом. Стасу вдруг стало неловко перед ребятами, и он предложил ползать в заброшенном храме.

– Да ты что? – удивился Ваня. – Там же раньше овощной склад был, потом свалка, считай, общественный туалет, знаешь, как все загажено!

– Ну и что? Все равно интересно! – настаивал Стас и, чтобы заручиться поддержкой Ваниной сестры, решил подделаться под ее манеру говорить: – Что, Ленка, пошли играть в хлам? – старательно выделяя последнее слово, спросил он.

Но Лена неожиданно не поддержала его.

– Не хлам, а храм! И в храме не играют, а молятся. Так баба Поля говорит! – строго поправила она и показала пальчиком на идущего по улице, парня в солдатской одежде: – Ой, глядите, сражант идет!

Теперь уже Стасу пришлось поправлять её:

– Сержант! – с усмешкой сказал он, но девочка не унималась:

– Сражант, сражант! – упрямо повторяла она. – Сержанты в простой армии служат. А этот – в Чечне, где сражаются. Значит, кто он? Сражант!

– Откуда она у тебя такая? – качая головой, шепнул Ване Стас.

– Сами не понимаем! – беспомощно отозвался он. – До пяти лет вообще молчала, думали уж – немая будет. А по-

том в доме, что теперь вашим стал, учительница из города отдыхала. Ленка к ней походила-походила да так говорить начала, что мы и сами не рады! Синичка у нее, видите ли, – зеленичка, рубанок – строганок, рыбий малек – рыбёнок, на ногах – ногти, а на руках...

Ваня хотел, видно, сказать «рукти», но тут под лопатой неожиданно что-то звякнуло. Он наклонился и закричал:

– Глади, чего я нашел!

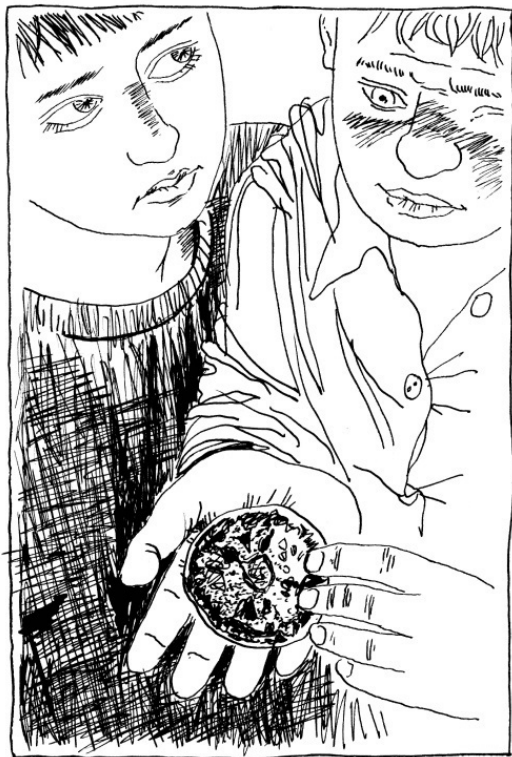
– Старинный рубль! – ахнул Стас. – «Не нам, не нам, а имени Твоему!» – по слогам прочитал он.

– Серебряный! Я из него блесну сделаю! – пряча находку в карман, заявил Ваня.

Они тут же – откуда только силы взялись – перекопали все вокруг, но больше ничего не нашли.

Стас готов был заплакать от досады, ведь продолжи копать он сам...

– Отдай мне монету!.. – дрогнувшим голосом попросил он. – Блесну и в магазине можно купить. Я старину, знаешь, как люблю? У меня дома целый музей есть: две военные пуговицы, гильза из окопа и пять царских медяков...

– А ты за него свой плеер отдашь? – сощурился Ваня, отчего его лицо стало еще хитрей.

– Ты что! Мне мои предки не позволят. Тебе бы твои разрешили?

– У нас только одна мама! – вздохнул Ваня. – Отец у нас... ты только этого никому не говори, это я тебе, как другу...

разведчик... Он уехал на задание, когда Ленке еще года не было... Она до сих пор плюшевого медведя папой зовет.

Что было Стасу до Ваниного отца? Он так расстроился, что пропустил мимо ушей такую сногшибательную новость и только на всякий случай уточнил:

– Значит, не дашь?

– Нет! – почему-то не обиделся, а будто даже обрадовался такому равнодушию друга Ваня. – Пошли лучше в футбол погоняем?

– Не хочу, – бесцветным голосом отозвался Стас. – А впрочем, идем. Мне теперь все равно...

С этой минуты краски лета, гомон птиц, запах трав и цветов – словом, весь мир поблек для Стаса. Все его мысли были заняты монетой. Он предлагал сменять ее на марки, готов был отдать царские медяки. Но все его предложения разбивались, как ком земли о лопату!

– Как баба Поля помрет, я тоже себе музей сделаю! – говорил Ваня, щурясь на плейер. – А что? У нее все вещи старинные: прялка, книги, иконы, самовар, утюг доэлектрический, – перечислял он и с явным намеком разводил руками. – А такого рубля нет!..

4

По дороге план дозрел окончательно...

Наконец Стаса позвали домой – ужинать.

За столом он сидел молча, рассеянно ковыряя вилкой жареную рыбу.

– Ты что, уже успел с новым другом поссориться? – спросил папа.

– Нет, наоборот – мы с ним завтра на рыбалку идем. Пустишь?

– Одни? Без взрослых?! – встревожилась мама.

– Пусть идет! – разрешил папа. – Заодно и рыбки принесет!

– Вы эту сначала доешьте! Зря, что ли, я в магазин ходила? Еще целых три окуня в холодильнике лежат!

– Это совсем не то! Парню скоро двенадцать, а он ни разу на рыбалке не был!

– А на море? – напомнила мама.

– То не считается! – возразил папа и подмигнул сыну: – Мы, бывало, к палке нитку с булавкой привяжем, мама тебя отвлечет, а я малька нацеплю. «Клюет! – крикну. – Тащи!» Ты – «удочку» на себя, а там – рыбка!

– Дово-ольный! – смеясь, подтвердила мама.

– Нехорошо маленьких обманывать! – буркнул Стас, и тут слова «удочка... окунь... рыба на булавке...» завертелись, словно стекляшки в калейдоскопе, и застыли четким узором. Он понял, как можно без риска поставить плеер против монеты.

Стас быстро поужинал и выбежал из дома.

По дороге план дозрел окончательно.

«Ваня хочет спорить. В карьере нет рыбы. Но у меня есть окунь, и если я сумею, как папа...»

– Вань! – закричал он в открытое окно.

– Ну? – вышел на порог Ваня – ломоть хлеба в одной руке, стакан с молоком – в другой.

– Может, в карьере все-таки есть рыба? – осторожно начал Стас. – Я читал, что икра прилепляется к лапкам уток и разносится по водоемам.

– То по водоемам! – подала из окна голос Лена. – А у нас – мазутом!

– В карьер мазут сливают, – жуя, подтвердил Ваня.

– Спорим, что хоть одна, да есть? – приступил к главному Стас. – Давай утром зайдем в карьер, и я порыбачу. Если поймаю – монета моя!

– А если нет – плеер мой!

– Только на одну неделю!

– На месяц... – начал торговаться Ваня, но тут из окна высунулась Лена.

– Вань, карась опять виляйхвостов гоняет!

– Скажи ему, что, если не перестанет, я его в карьер брошу, вот и будет там ры...

Ваня вдруг осекся на полуслове. Глаза его сощурились так, что лицо стало совсем хитрым:

– А давай так, – быстро предложил он. – Оба закинем удочки, и если кто что поймает, тому приз. Тебе – монету, а мне – плеер, только, чур, уже насовсем!

Глава вторая

1

Видя темные окна, он с замирающим сердцем постучал...

Всю ночь проворочался Стас, сладко робея от предстоящего и торопя время. Лишь под утро его сморил глубокий, как омут, сон.

– Стасик, пора! – шепотом позвала его мама.

– Рыбалку проспидишь! – громовым голосом напомнил отец, который всю ночь работал над диссертацией.

Стас мигом оделся и кинулся в угол, где лежал приготовленный еще с вечера рюкзак. Завернутый в пакет огромный окунь, бутылка лимонада, которую выпьет Ваня, чтобы, отбежав по нужде, дал возможность нацепить на крючок рыбу, – все было на месте.

– Ни пуха ни пера! – пожелала мама.

– Ни рыбьей чешуи! – поправил её отец.

«И ни серебряного рубля!» – суеверно подумал Стас, выходя из дома.

На улице было темно и зябко. Звезды, устав гореть над спящей деревней, разом уставились на него. Поеживаясь,

Стас добежал до Ваниного дома. Видя темные окна, он с замирающим сердцем постучал и услышал:

– Заходи, мамы нет дома!

– А я думал, ты спишь! – радостно сказал Стас.

– Нет, мы по звонильнику встали! – послышался голос Лены.

– А чего без света сидите?

– А Ванька не хочет, чтобы я видела, что он там у аквариума делает...

Тут раздался звонкий шлепок, и Лена выскочила в коридор, потирая затылок.

Через минуту вышел и Ваня: в руках удочки, через плечо – сумка.

– Ну что, пошли? – деловито спросил он, незаметно показывая сестре кулак.

– Как! – удивился Стас. – И она с нами?

– А куда ее девать? Мама теперь день и ночь у бабы Поли. Вот обуза на мою голову!..

– Не обуза, а обяза! – капризно возразила девочка. – Ты за мною следить обязан? Обязан! Значит, кто я тогда?

И, победно вскинув голову, первой направилась к выходу.

Словно сто скорых поездов загрохотали над Стасом...

Они вышли из дома и направились по предрассветной дороге к карьере.

– Как пойдём – бежкой или тишком? – с готовностью спросила Лена.

– Пешком! – оборвал её Ваня. – И никуда не отходя от дороги!

Тут Стас сообразил, что Лена может отвлечь Ваню лучше всякого лимонада, достал бутылку и, отступая от тщательно разработанного плана, сам припал к ней. Вдоволь напившись, он предложил:

– Угощайтесь!

Лимонада хватило как раз до карьера.

Дойдя до обрыва, Ваня взял Лену за руку и повлек за собой. Спуск был крутой, сыпучий, и Стас с облегчением выдохнул, оказавшись внизу. Холодно, мрачно было в карьере. От черной, в радужных пятнах, воды, пахло ржавым железом и бензином.

Где-то невдалеке загрохотал поезд. Все вокруг задрожало, сверху посыпались мелкие камни.

– Московский? – разматывая удочки, сказал Ваня и, услышав скрежет тормозов, удивился: – Странно, вроде как позд-

но для него. А другие скорые у нас не останавливаются!

– Может, стоп-кран сорвали? – предположил Стас.

– Да нет, опаздывает, наверное!

– А мы так вовремя приехали! – похвастал Стас и побежал к валуну, ругая себя за то, что сам опился «Фанты».

Когда он вернулся, Ваня подозрительно быстро закинул свою удочку. Но что было Стасу до этого?

– Гляди, где твоя Ленка! – показал он на прыгавшую с валуна на валун девочку.

– А ну, стой! – крикнул Ваня, бросаясь к сестре.

Стас дрожащими пальцами развернул пакет, насадил на крючок окуня и поспешно опустил в воду.

– Эй! – позвал он, вода удочкой из стороны в сторону. – Поймал! Честное слово, я что-то поймал!

– Гусеницу от трактора? – язвительно прокричал Ваня.

– Сам ты трактор! – Стас вытащил рыбу на берег и несколько раз стукнул по ней камнем, чтобы не было вопросов, почему она не живая: – Гони рубль!

– Не может быть! – подбежал к нему Ваня. Он склонился над рыбой, и глаза его округлились: – Ч-что это?...

– Как что? – удивился Стас. – Окунь.

– Но ведь он же – морско-ой!!!

Словно сто скорых поездов загрохотало над Стасом, причем в каждом из них сорвали по стоп-крану. Он понял свою ошибку. Чтобы не встречаться с уничтожающим взглядом друга, он заерзал глазами и увидел, что оставшийся на воде

поплавок неожиданно ожил.

– Клюет!.. – прошептал он.

– Неужто? – Ваня схватил удочку, потянул её на себя и прямо на леске подвел к лицу Стаса затрепетавшую рыбешку: – Моя взяла!

Тот с недоумением уставился на длинный роскошный хвост, радужную окраску... И, вспомнив про Ванин аквариум и слова его сестры, с усмешкой окликнул:

– Лен! Хочешь виляйхвоста посмотреть?

– Что? Кого?! – Ваня поднес к себе рыбку и смущенно почесал затылок: – Это что же, я его в темноте с карасем спутал?..

– Так, значит, и ты... – заморгал ошеломленный Стас.

– Почему это я? Мы! – поправил его Ваня, и они, не сговариваясь, захохотали так, что к ним тут же присоединилась, ничего не понявшая, но с радостью разделившая их веселье Лена.

3

Внизу страшно затрещало, заклокотало...

Не переставая смеяться друг над другом, они смотали удочки и поднялись на гребень карьера.

Солнце уже встало. От ласковых первых лучей и оттого, что мрачный котлован остался внизу, хорошо, легко было на

душе. До конца тропинки оставалось шагов пятьдесят, а до речки, по словам Вани, – всего две версты.

Но не успели они выйти на дорогу, как сзади послышался треск мотора.

– Этого нам только не хватало! – закусил губу Ваня.

– Кто это? – насторожился Стас.

– Макс.

– Деревенский старшак?

– Вроде того...

– И вовсе он не страшак! – подала голос Лена. – Макс – хороший.

– Это твой «хороший» на наши деньги мотоцикл себе купил, теперь на машину копит!

– Давайте от него вон там за ольхой спрячемся! – предложил Стас, показывая на росшее у самого обрыва дерево.

– Эта ольха-ха-ха, между прочим, черемухой называется! – опять взялась за своё Лена, но Ваня схватил ее за руку и потащил за собой.

Стас, то и дело оглядываясь, последовал за ними.

Но добраться до укрытия им не удалось. Лена, упав, захныкала и отказалась идти дальше.

Тем временем мотоцикл выехал на тропинку, огибавшую котлован, и стремительно приближался.

– Погубить меня захотела? – крикнул Ваня, замахиваясь на сестру.

– Оставь ее! – примирительно сказал Стас. – Может, он нас еще не заметит!..

Мотоциклист, в надвинутом до бровей черном шлеме и правда пронесся мимо застывших в ожидании фигур. Но не успел Стас, на правах победителя, посмеяться над другом, как Макс оглянулся и вздыбил мотоцикл на задние коле-

са, словно норовистого коня. Мотор дико взревел, оглушая округу.

И тут... Стас, вскрикнув, в ужасе закусил кулак: земля дрогнула... небо покачнулось... черемуха взмахнула ветвями, и весь обрыв, где они хотели спрятаться, с грохотом рухнул в воду.

Внизу страшно затрещало, заклокотало, зашипело...

Ребята бросились прочь от коварной глины карьера и остановились на спасительной, покрытой травой земле. Тяжело дыша, они переглянулись и разом вспомнили о мотоциклисте.

– Ма-акс!.. – испуганно позвала Лена и, не услышав ответа, заплакала.

– Надо звать кого-то на помощь! – трясущимися губами залепетал Ваня. – Нужно спасти его!..

– Из-под упавшего обрыва? С глубины тридцать метров?! – с недоумением посмотрел на него Стас.

– А может, он всё же как-то успел проскочить?..

С опаской огибая карьер, они полем вышли к дороге и увидели... Макса!

Он стоял перед брошенным в пыли мотоциклом и усиленно вглядывался в ту часть карьера, над которой еще висела пыль.

– Макс!!! – бросаясь к нему, радостно закричала Лена.

Парень мгновенно оглянулся. По его радостно изменившемуся лицу Стас понял, что, видно, и он высматривал их,

тоже не веря, что они живы.

– Ленка! Ванёк! – Макс сорвал с головы шлем, закрутил им над собой и, устыдившись порыва чувств, грубо спросил, кивая на Стаса: – Это что за фрукт на нашей грядке? Кто такой?

Белобрысый, в потертых джинсах и кожаной куртке, Макс был лет на пять-семь старше ребят. Он крепко прижал к себе Ленку, осмотрел Стаса с головы до ног и сам ответил на свой вопрос:

– Городской!

– Написано, что ли, на мне? – как можно небрежнее уточнил Стас.

– Черным по белому! – Макс плюнул и достал сигареты. – Вы же – как бледные поганки перед нашими маслятами!

Закурив, он протянул пачку ребятам.

Ваня наотрез отказался, а Стас умело прикурил. Лена с ужасом смотрела на него, но что ему девочка, когда нужно было отстоять себя перед Максом!

4

Макс обжег его гневным взглядом...

Постепенно все четверо отходили от пережитого. Наконец, Макс обратился к Ване с лукавой улыбкой:

– И чего это ты, Ванёк, всё от меня прячешься? А? Что молчишь? Ну? Сколько ты там мне должен?

– Сто сорок рублей! – Ваня умоляюще заглянул в глаза парню. – Я отдам! Честное слово! Может быть, даже завтра...

– Это еще что за завтраки на ужин? Ты мне это уже месяц назад говорил! – нахмурился Макс. – А спрячешься от меня, чтобы я тебя на счетчик не поставил. Так вот, с этого самого дня...

– Макс, не надо! – в отчаянии закричал Ваня. – Я ведь тебе и так все что только можно из дома принес! Ничего не осталось!..

Для убедительности он вывернул карманы, и на землю полетел... серебряный рубль.

– О! – поднял его Макс, встряхивая на ладони. – Во сколько оценишь?

– Я... это... – запинаясь, начал Ваня. – Он...

– В Москве, в «Нумизмате», такой рубль тысячу рублей стоит, а то и все полторы! – подсказал Стас.

Он сам не понимал, зачем это делает: чтобы выручить друга? Желая покруче выглядеть перед Максом? Или просто сболтнул языком почем зря! Как бы то ни было, Стас тут же пожалел о сказанном, потому что Макс обжег его таким взглядом, что он невольно поежился.

Макс же преспокойно повернулся к Ване и притворно вздохнул:

– У нас тут не столица, мы таких цен не знаем, но за долг я его, пожалуй, возьму. Согласен?

Ваня, просияв, закивал головой, и заветный рубль исчез

в кармане кожаной куртки.

Разобравшись с Ваней, Макс резко повернулся к Стасу:

– Так из Москвы, говоришь? Где въездная виза?

– А ты что – таможня? – не уступая, вопросом на вопрос ответил Стас.

– Она самая! Заполняй декларацию. Вот – бумага, – Макс протянул широко раскрытую ладонь. – А вот, – он согнул пальцы в кулак, – печать! Здесь ее все знают. Тебе тоже поставить?

– Нет! – сдаваясь, поник Стас. – Мне и московских прописок хватает!..

– Тогда плати пошлину!

Макс выдернул у него из-за пояса плеер и пощелкал клавишами:

– Кассеты есть?

– Да... – пробормотал опешивший Стас. – Дома!

– Будешь должен!

Потеряв интерес к Стасу, Макс обратился к Ване с Леной:

– Нинку не видели?

– Нет! – в один голос ответили они.

– Может быть, бабушка знает? – кивнул на идущую от станции фигуру Стас, надеясь, что в присутствии взрослого Макс вернет ему плеер.

– Да это ж – мужик! – всмотревшись, поправил Ваня. – Только почему-то в платье и шатается, как пьяный!

– Где? – оживился Макс.

Раннее солнце било в глаза. Сложив пальцы козырьком над бровями, он хищно поглядел на дорогу и принялся то-ропливо заводить мотоцикл:

– Пьяный, да еще и не здешний! На ловца и зверь! Мотоцикл взревел, приподнялся на дыбы и помчал Макса к замаявшему им руками и вдруг упавшему человеку...

5

– Идемте скорее! Нас Макс зовет!

– Ну, и куда теперь? – упавшим голосом спросил Стас, провожая глазами удалявшиеся в кожаных карманах мотоциклиста плейер и рубль.

– Куда и шли – на рыбалку! – радостно ответил Ваня.

– Мимо Макса?!

– Другого пути нет!

Они отыскали брошенные в карьере удочки и вернулись на дорогу.

– А я и не знал, что ты такой! – с уважением сказал Ваня.

– Какой? – удивленно взглянул на него Стас.

– Ну... куришь!

– Подумаешь! Мои друзья в городе уже травку пробовали!

– А ты?

– Что я – больной?

– Вот видишь! И с Максом круто поговорил!

Стас усмехнулся:

– А это, как говорит мой отец, иммунитет!

– Что? – не понял Ваня.

– Ну – привычка! У вас один Макс, а у нас в старших классах их по десятку. А во дворе? На улице?..

– Где же вы на всех деньги находите?!

– Где-где... Старшаки нас трясут, а мы – салажат!

Стас заметил, что Лена, как при знакомстве, юркнула за брата, и улыбнулся ей:

– К тебе это не относится!

– Стасик – наш друг! – подтвердил Ваня. – Если б не он, Макс бы меня точно на счетчик поставил! Теперь я с ним всем по-братски делиться буду!

– А со мной по-сестрински! – завидуя, стала капризничать Лена. – Не то я от тебя, как Нинка от Макса, буду бегать!

– Думает, она со своим двоюродным братом в прятки играет! – усмехнулся Ваня. – А Нинка, говорят, бегают по ночам к строителям коттеджей и...

Он придвинулся к Стасу и досказал остальное на ухо.

– Ну и что? – удивился тот.

– Так ей же еще четырнадцати нет!

– Ну и что? – повторил Стас. – У нас **этому**, – покосившись на Лену, выделил он, – с первого класса учить собираются. Я даже учебники по **этому** видел!

– С картинками?! Вот бы полистать! – загорелся Ваня, но, поразмыслив, вздрогнул: – Хотя нет, не надо. А то Ленка увидит, с вопросами приставать начнет. Что ей тогда отве-

тить, верно? – приобнял он сестру.

– Идемте скорее! Нас Макс зовет! – вырвалась та.

Стоявший впереди, на обочине дороги, парень и впрямь призывающе махал руками.

– Чего ему еще от нас надо? – поежился Стас.

– Почему нам знать? – прибавил шаг Ваня. – Может, мотоцикл подтолкнуть. А может, мужик помер и мы нужны как свидетели, что это не Макс убил его!

– А что, он и убить может?

– Ты еще Макса не знаешь! Он ведь кик-боксом занимался. А раз его даже к вам в Москву возили на бои без правил! После этого он совсем озверел. Теперь от него вся деревня стонет. Только и надежда, что в армию заберут или в тюрьму посадят!

– А милиция? Местные ребята? – не поверил Стас. – У вас что, круче его никого что ли нет?

– Есть, но... – Ваня замаялся и сокрушенно покачал головой: – Он в Москве с такой мафией познакомился, что теперь с ним никто связываться не хочет!

С каким удовольствием Стас повернул бы обратно! Но, чтобы не упасть в глазах так оценившего его друга, он вынужден был продолжать путь.

**– Живой! Живой! –
захлопала в ладоши Лена...**

Макс, не стесняясь Лены, встретил их руганью за медлительность и подвел к лежавшему вниз лицом мужчине в куртке и черном подрыснике.

– Священник! – ахнул Ваня. – Почему ты не помогаешь ему?!

– Чтоб на меня дело повесили? – криво усмехнулся парень. – След от мотоцикла есть, еще и пальцы отпечатать?! Сам помогай! Эй, городской! – окликнул он. – А ты что стоишь?

Стас похолодел: а если этот священник уже умер?.. Но страх перед Максом пересилил, и он, обмирая, вместе с Ваней перевернул его на спину.

Это был еще не старый, хотя и с седой наполовину бородой человек. Лицо его, землисто-серое поверх грубого загара, казалось каменным.

– Сердце послушайте! – подсказал Макс.

Стас с мольбою – это было выше его сил – покосился на друга. Ваня успокаивающе подмигнул ему и проворно растегнул куртку. Под лучами солнца, вспыхнув, засиял золотой, с крупными рубинами, крест.

– Фью-фью-ю! – восхищенно присвистнул Макс. – Вот так

утро на рассвете!

Бережно отодвинув крест, Ваня припал к груди лежащего. Но не успел он узнать, бьется ли сердце, как тот застонал и открыл глаза.

– Живой! Живой!! – Захлопала в ладоши Лена, подсаживаясь рядом. – Кто вы?

– Отец Тихон... – сдавленным голосом вымолвил незнакомец, обвел взглядом Макса, Стаса, Лену и остановился на счастливо улыбавшемся Ване: – Ребята!.. Мне вас Сам Бог послал...

– Неправда, мы сами сюда пришли! – возразила Лена. – А вы откуда?

– С поезда!.. – тяжело дыша, отозвался отец Тихон. – Сердце прихватило в дороге... На большой станции даже врача вызывали...

Было видно, что каждое слово дается ему с немалым трудом.

– Так это из-за вас московский поезд опоздал? – переглянулся со Стасом Ваня.

– Да... был такой грех, но, с Божьей помощью... проводник сказал, нагонят!.. – прошептал лежавший.

– А как же теперь вы? – поигрывая брелком, спросил Макс.

– Ничего... Все обойдется. Здесь хоть какое-нибудь медицинское заведение, врачи... есть?

– А как же? Мёдпункт! – с гордостью заявила Лена.

– Медпункт! Ее в нем однажды медом лечили! – извиняясь за сестру, улыбнулся Ваня и со страхом взглянул на лежащего: – А врачей нет!

Эту новость отец Тихон встретил так спокойно, словно речь шла не о спасении его жизни. И только новая волна боли, гребень которой докатился до ребят в виде сдавленного стона, выдала всю опасность положения.

– Красивый у вас крест! – нарушил молчание Макс. – Дорогой, небось...

– Ему цены нет!.. – прошептал отец Тихон. – Такой... или, точнее, почти такой... в восьмом веке византийский патриарх... а то и сам император носил!

Он потянул было руку к кресту, чтобы погладить его, и уже во весь голос застонал...

– Делать что-то надо! – нахмурился Макс. – Помрет ведь еще...

– Поехали за нашей мамкой! – с готовностью вскочил Ваня. – Нет! За отцом Стаса! Он же у него – хирург!!

– Кардиохирург! – уточнил Стас и, видя, что его не совсем понимают, пояснил: – Ну, врач, который делает операции на сердце!

– И ты молчал?! – возмутился Макс, а Ваня радостно зачастил:

– Есть, есть врач, отец Тихон! Как будто для вас вчера из Москвы приехал! Этот, как его...

– Гвардии хирург! – подсказала Лена.

Ваня отмахнулся от нее, как от слепня, и крикнул:

– Он вас сразу вылечит, слышите? Не слышит... – растерянно пробормотал он.

– Что... всё?! – сразу подался вперед Макс, и глаза его соскользнули с лица лежавшего – на крест. Казалось, два невидимых человека повели в нем отчаянную борьбу. Один хотел, чтобы отец Тихон был жив, а другой – завладеть крестом. И этот второй, нетерпеливо-страшный, судя по недоброму блеску в глазах, пересилил.

– Значит, так: креста мы не видели! – облизнув губы, предупредил Макс. – Ну-ка, Ванёк, давай мне его сюда!

Он требовательно протянул Ване ладонь, но отец Тихон вдруг сделал попытку приподняться и бессильно уронил голову набок.

– Живой! – с облегчением выдохнул Ваня.

– Просто сознание потерял! – на правах сына врача авторитетно добавил Стас.

– Сам вижу! – проворчал Макс и, срывая зло, принялся яростно заводить мотоцикл. – Эй, городской! – перекрывая тарактенье, прокричал он. – Садись, поехали!

– Куда?.. – насторожился Стас.

– За твоим отцом!

Стас оторопело поглядел на парня, соображая, что приезд отца не сулит ему ничего хорошего. Приехав сюда, тот, конечно, сразу поймет, что сын был в карьере, и наказания не миновать. А если обо всем, особенно про обвал, узнает ма-

ма, начнется такая жизнь, что собака на поводке будет чувствовать себя свободнее... С другой стороны, больному была нужна срочная помощь, он может умереть, если не оказать ее. И хотя Стас понимал, что самые крупные его неприятности ничто по сравнению с человеческой жизнью, страх перед ними оказался сильнее.

И он сказал первое, что пришло ему в голову:

– А его нет! Он это... – в город за обоями поехал!

– Тогда едем за вашей мамкой! – повернулся к Ване Макс и приказал Стасу: – А ты делай ему искусственное дыхание!

– Хорошо!

– И за Ленкой пригляди! – забираясь на заднее сиденье, попросил Ваня.

– Ладно! – прокричал Стас.

В эту минуту он мог обещать всё что угодно. Такая гроза пронеслась мимо!

– Ждите!

Макс со вздохом посмотрел на крест, крутнул рукоятку, и мотоцикл, обдав Стаса с Леной облаком выхлопных газов, помчался в деревню.

7

– Сам ты зловарь! – обиделась девочка

– А что такое искусственное дыхание? – с трудом выговаривая новое слово, спросила Лена, когда они остались од-

ни.

– Сейчас увидишь!

Стас присел на корточки перед отцом Тихоном. Было как-то не по себе находиться рядом с человеком, который не слышит и не видит тебя. Хорошо хоть девочку оставили с ним!

– А как ты будешь его делать? – не унималась та.

Стас не ответил, с любопытством разглядывая вблизи крест. Обычно восьмиконечные кресты вызывали в нем неприятное чувство. Они напоминали ему о кладбище и о смерти. Но этот был красивый, праздничный, на него можно было смотреть почти без страха. Одно было не понятно Стасу. Крест – старинный, намного дороже царского рубля, вон как взвился Макс, едва увидев его, а он был абсолютно равнодушен к нему...

– А когда ты начнешь его делать? – дернула его за рукав Лена.

– Вот достала! – буркнул Стас и озадаченно оглядел отца Тихона, прикидывая, с чего бы начать. Он не раз слышал об экстренной помощи попавшим в беду людям, видел картинки в книгах отца. Но чтобы оказывать ее самому...

На рисунках те, кого приводили в чувство, были обнажены до пояса. Стас тоже стал раздевать отца Тихона.

Священнический подрясник не был похож ни на одну из знакомых ему одежд. Он боязливо расстегнул две верхние пуговицы на стоячем воротничке и принялся искать третью. Она оказалась на изнанке. Четвертая и последняя – была на

тесемке с петелькой...

Теперь мешала лишь цепь от креста. Стас, с помощью Лены, приподнявшей голову отца Тихона, всё же боясь, снял крест и поскорей бросил на дорожную сумку, лежавшую рядом. Подрясник, наконец, распахнулся. Под ним оказался небольшой мешочек из красного бархата на тесемке и еще одно, теперь уже деревянное, распятие. Оно было крест-накрест привязано к телу. Мешочек Стас тоже снял и, сам не зная почему, бережно положил в сумку, а второй крест решил вообще не трогать.

Стас положил ладони на грудь выше этого креста и робко надавил – раз... другой... третий... Тут он вспомнил, что нужно дышать в рот, приблизился, насколько мог, к губам отца Тихона и дунул, что есть сил...

– Этот метод называется «рот в рот» или, как говорится в сказке, «из уст в уста»! – важно объяснил он.

Ресницы лежавшего чуть приметно дрогнули.

– Давай еще! – обрадовалась Лена.

Стас, осмелев, принялся давить сильнее...

– Мама приедет, в мёдпункт его заберет и вылечит, правда? – щебетала девочка.

– Одна, без врачей? – усмехнулся Стас.

– Почему? Они к нам приезжают! Зубы лечат, втык инвалидам делают!

– ВТЭК! – засмеялся Стас.

– А еще раз в год плурографию!

– Флюорографию!

– А чего тогда мама говорит, что всем наплевать на нее?

– Ой, не могу! – покрутил головой Стас. – Ты, Ленка, знаешь кто? Ты прямо бестолковый словарь русского языка!

– Сам ты зловарь! – обиделась девочка и, оглянувшись, воскликнула: – Ой! А вон и Нинка идет!

По дороге, в спортивной куртке и джинсовой юбке, быстрыми шагами приближалась девушка.

– А тебя Макс искал! – закричала Лена, бросаясь навстречу.

– Так это не он!.. – Остановилась та, обнимая девочку. – А я уж думала, с братом что...

– Нет, это папа Тихон! – сказала Лена. – У него сердце болит. А мы ему изуственное дыхание делаем!

– Помогает?

– Еще как! Все время шепчет «Прости меня, грешного!»

– А зачем?

– Сильно грешный, наверно!.. – пожал плечами Стас.

Воцарилось неловкое молчание, которое оборвала Лена.

– Едут! Едут! – радостно закричала она, показывая на мотоцикл и следующую за ним «Ниву».

– Макс, Ваня!! – принялся перечислять Стас.

На повороте «Нива» обогнала мотоцикл и затормозила рядом с ними.

– А вот и...

Стас хотел сказать: «Твоя мама!», но не успел.

Дверца машины открылась, и из нее торопливо, словно пожарный у места пожара, вылез... его отец.

Глава третья

1

Стас вдруг почувствовал себя рыцарем...

Что может быть страшнее родительского наказания? Только одно – ожидание этого наказания!

Под этим Стас подписался бы прямо пальцем на пыльном карнизе.

Третий час он сидел в любимой, но уже без плеера, позе у раскрытого окна, дожидаясь отца.

Улица была пуста и равнодушна к его терзаниям. Чирикали беспечные воробьи. Гоготали встревоженные чем-то гуси. Предвестницы дождя – ласточки – скользили над пыльной дорогой.

Предвестник порки – ремень лежал на столе.

Мама подчеркнуто громко, как во время ссор с папой, гремела на кухне посудой.

Не зная, чем занять себя, Стас трогал языком портящийся зуб. То же он делал с памятью, заново и заново переживая случившееся...

...Выйдя из машины, отец обжег его ничего хорошего не

сулящим взглядом и с Ваниной мамой поспешил к больному.

– С чего ты взял, что он в город уехал? – шепнул Ваня, вставая рядом. – Мы его у колодца встретили!

Что было отвечать – правду? Так Ваня, узнав, что он из страха пред отцом не захотел помочь отцу Тихону, здороваться, наверное, перестал бы! И Нина могла услышать, а ему почему-то вдруг больше всего на свете не захотелось, чтобы она подумала о нем плохо. И он, выкручиваясь, пробормотал, что, кажется, перепутал день, когда отец собирался в город за покупками.

Да его не особо и слушали.

К Ване подбежала Лена. Нина смотрела в сторону отца Тихона. А Макс... Макс, делая вид, что помогает взрослым, незаметно двигал ногой сумку до кустов лопуха. Наконец он ловко столкнул крест на землю и, наступая на лопух, прикрыл его широченным листом.

«Ай, да Макс! – восхищенно покачал головой Стас. – Спросят, где крест, можно, поискав, «найти» его, а нет – свалить все на спешку: забыли, мол, а теперь ищи-свищи!»

Он покосился, не заметил ли это еще кто, и поймал на себе взгляд Нины. В ее испуганных глазах была немая просьба не выдавать брата. Стас вдруг почувствовал себя рыцарем и успокаивающе улыбнулся ей. Она – благодарно – ему. И эта общая тайна, как показалось Стасу, неожиданно сблизила их.

Тем временем больной стал понемногу приходить в себя.

– Нужно как можно скорее его – под капельницу! – сказал Ваниной маме отец. – Вы с Максимом поезжайте в медпункт готовить все необходимое, а мы с больным – следом.

– Может, тогда мы прямо через карьер? – предложила Ванина мама.

– Там обвал! – предупредил Макс, недовольный тем, что его отсылают в самый неподходящий момент. – Сегодня утром полберега снесло!

– Ты сам это видел? – насторожился отец.

– Я?! – возмутился Макс. – Да я ехал через карьер, когда всё там рушилось. Не верите, Стаса своего спросите. Он вообще на том месте, что сейчас на дне, стоял!

Отец вздрогнул, открыв рот, чтобы что-то сказать, и... не смог.

Он вдруг напомнил Стасу репродуктор, который он однажды, из любопытства, включил в розетку на 220 вольт. Только тот замолчал навсегда, а отец каким-то чужим голосом сказал:

– Станислав, в машину!

И это «Станислав» понятнее любых угроз объяснило ему всю тяжесть предстоящего наказания. Последний раз отец назвал его Станиславом год назад, перед тем как выпороть за переправленную на четверку единицу по математике. Но даже тогда тон был намного мягче...

Стас понуро сел на заднее сидение «Нивы» и, как было велено, положил голову внесенного отца Тихона на колени.

Нина и Ваня с Леной в машине не уместились. И он, обернувшись, увидел, как удаляются три фигурки, одна из которых, Ванина, держала и впрямь забытую за спешкой сумку отца Тихона...

Хотя водитель старался ехать как можно мягче, машину то и дело встряхивало на ухабах.

– Как самочувствие? – ловя глазами в зеркальце лицо больного, с участием спрашивал отец, и каждый раз в ответ слышалось слабое:

– Слава Богу!..

– Может, остановиться – передохнете?

– Нет-нет, все хорошо! – возражал отец Тихон, но Стас-то чувствовал, как судорожно сжимаются его плечи при каждом толчке!

И все-таки, даже не останавливаясь, они ехали так медленно, что Макс за это время успел съездить в деревню и обратно. Стас заметил, как он, не доезжая до них, свернул на дорогу, ведущую в карьер, и пулей помчался по ней.

У дома отец попросил водителя остановиться и приказал:

– Станислав, домой!

Хлопотавшая во дворе мама, увидев сына, обрадовалась:

– А вот и рыбак наш вернулся! Много рыбки принес?

Стас кисло улыбнулся в ответ и опустил голову.

– До моего возвращения из дома ни шагу! – донеслось из приоткрытой дверцы.

– А что случилось? – сразу встревожилась мама.

– Сам пусть расскажет! – бросил отец и сердито захлопнул дверцу.

Мама вопрошающе посмотрела на сына:

– Да я... это... мы... – запинаясь, начал Стас, но тут она принялась и с ужасом спросила:

– Стасик... ты – куришь?!

2

**Отец Тихон со слабой улыбкой
положил руку на грудь и вдруг
стал беспокойно ощупывать себя...**

«Ку-ка-ре-ку!...»

«Кудах-тах-тах...»

– Васька-а-а! Бежим скорее к конторе!..

– Не могу. Мамка кур велела кормить! А что случилось?

– Как! Ты не знаешь? Наши в космос полетели!

– Как полетели? Когда?!

– Только что! Дядя Капитон говорит – Юрий Гагарин!

– Ну и везет же тебе, Юрка – тетка твой полетел!..

– Ничего, может, новый Василием будет!..

– Васька, стой! А кто кур кормить будет? Вась-ка-а!..

– Тихон Иванович!

– Отец Тихон!..

Отец Тихон медленно открыл глаза.

Белые стены. Белый потолок. Белая больничная тумбочка.

Капельница... И – две пары встревоженных глаз.

Доносившиеся откуда-то издалека голоса смолкли. Близкие продолжали звать:

– Отец Тихон...

– Тихон Иванович, вы меня слышите?

– Д-да...

– Меня зовут Сергей Сергеевич. Я буду лечить вас. А это – Валентина. Она будет помогать мне.

– Спаси Бог...

– Скоро вам будет лучше. А потом – совсем хорошо. Скажите, когда последний раз с вами такое было?

– Не помню... Давно... Много лет назад... Еще до монастыря.

– А в монастыре?

– Ни разу.

– Удивительный случай! С вашим-то сердцем?

– Да я уж забыл, с какой оно у меня стороны... – отец Тихон со слабой улыбкой положил руку на грудь и вдруг стал беспокойно ощупывать себя. – Дарохранительница... где Да-

рохранительница...

– Тихон Иванович! Вам нельзя волноваться!..

– Как нельзя? Да вы что?! В ней же – Святые Дары!

– Не тревожьтесь, отец Тихон! Её дети мои с собой прихватили... Я видела у них вашу сумку! Черная такая, через плечо носится...

– Нет, Дарохранительница маленькая, из красного бархата...

– Ну так, значит, она в этой большой сумке!

– Скорее... Прошу вас – немедленно пошлите кого-то за ней!

– Зачем кого-то? Я мигом, сейчас, сама!

– Ну вот, Тихон Иванович, а вы так встревожились...

– И буду тревожиться. Места себе не найду, пока она Дарохранительницу не принесет.

– Место ваше теперь одно – кровать! В клинику бы вас сейчас или еще лучше – обратно в монастырь. Но вы – нетранспортабельны. Как бы это понятнее объяснить... Вам нельзя теперь ни волноваться, ни сидеть, ни ходить, а только – лежать, лежать и лежать!

– Дышать-то хоть можно?

– Да, но только спокойно и глубоко!

– После того, что я увидел в миру?

– Ну вот, вы опять за своё, даже пульс участился! Я запрещаю вам эти неприятные воспоминания! И со всей ответственностью заявляю, что в вашем случае они приравнива-

ются к самоубийству, которое, насколько мне известно, сурово осуждает церковь.

– И правильно делает!

– Значит, договорились! А теперь, скажите, когда это у вас случилось первый раз?

– В двенадцать лет...

– После чего?

– Не могу... язык не повернется!

– Что, сухость во рту?!

– Да нет, я о другом...

– А... вы все о Валентине! Да вот же она!

– И не одна – с вашей Дарохранительницей, отец Тихон!

– Ну, слава Богу! Давай её скорее сюда...

– Держите, а я опять ненадолго уйду... Вы пока тут побудете, Сергей Сергеевич?

– Конечно! У нас тут еще – анамнез, диагноз... Как бы это понятнее вам, Тихон Иванович, объяснить... Одним словом, будем заниматься лечением!

– Надеюсь, до огня дело не дойдет?

– Это еще зачем?

– Ну как это?

Отец Тихон чуть приметно улыбнулся и произнес длинную фразу на красивом певучем языке.

– Не понял? – опешив, уставился на него Сергей Сергеевич.

– Так это же ваш Гиппократ: «Чего не излечивают лекар-

ства, излечивает железо, чего не излечивает железо – излечивает огонь!» Древнегреческий – красивый язык. Хотя... он сказал несколько слов на другом, более суровом, ритмичном языке («Не желают того, о чем не знают!»)... лично мне больше нравится латынь. А вам?..

3

Ваня посадил сестру на подоконник и с таинственным видом продолжил...

– Эх, – с запоздалым сожалением вздохнул Стас, продолжая вспоминать пережитые недавно события. – И как он мог забыть про «угощение» Макса? Теперь, несмотря на все его оправдания, порки было не избежать.

Стас так надавил языком на зуб, что чуть не подпрыгнул от боли. И этот туда же!..

Тогда он спрыгнул с подоконника, прошел в сени и срезал с удочки леску. Все равно, размышлял он, рыбалки теперь не видать как своих ушей. К тому же, помня, как жалели его родители, когда ему при помощи суровой нитки вырывали молочные зубы, он слабо надеялся, что это хоть чуть, да смягчит наказание.

Лески хватило как раз от окна до двери комнаты.

Морщась от боли, Стас обвязал один конец вокруг шатавшегося зуба, второй зацепил за ручку двери с обратной стороны. Оставалось только позвать маму, чтобы она, рывком

отворив дверь, разом покончила с этим делом. Но не успел он крикнуть ее, как под окном появились его друзья.

Ваня с таинственным видом показывал ему сумку отца Тихона, а Лена со страхом таращилась на леску.

Стас развалился на подоконнике и как можно небрежнее сказал:

– Привет!..

– А леска зачем? – заморгала Лена.

– Эта что ль? – скосил глаза на леску перед носом Стас. – А я тут рыбу на зуб ловлю!

– Понятно! – заглянув в комнату, усмехнулся Ваня. – Знакомая штука. Рыба ремень называется?

– Ага! – уныло кивнул Стас и взглянул на друга в ожидании сочувствия.

Но Ваня неожиданно позавидовал ему:

– А я бы, наверное, самым счастливым человеком на свете был, если б сейчас меня отец выпорол... И Ленку жалко, она даже, что такое ремень, не знает! – вздохнул он и, словно стесняясь этого признания, заторопился:

– Вот, гляди, что мы принесли!

Он вжикнул «молнией» и выложил на подоконник две старинные церковные книги, общую тетрадь, узелок с одеждой и бархатную коробочку, в которой лежал... крест.

– Все-таки взял?! – ахнул Стас.

– Ага! Хотел отцу Тихону отнести, да к нему не пускают... Отдали ему только тот мешочек, что был у него на шее. Он,

как только в себя пришел, сразу о нем вспомнил... Так просил принести, что даже про крест забыл...

– А ты знаешь, что Макс сейчас этот крест в карьере ищет? – перебил Стас.

– И что теперь делать? – Ваня беспокойно оглянулся. – Может... пусть сумка пока у тебя полежит?

Стас помедлил с ответом. Он боялся держать у себя вещи с крестами, какие бывают на могилах. Но... как признаться в этом Ване?

К счастью, в конце улицы показался отец.

– Уходите скорее! – торопливо зашептал Стас, помогая Ване собрать сумку. – Сейчас здесь такое начнется!

4

Дверь рывком распахнулась...

Ваня подбадривающе подмигнул другу и вместе с Леной поспешил удалиться.

– Эй! – замахал оброненной в спешке тетрадью Стас. – А это?!

Но Ваня уже не слышал его.

Впрочем, Стасу вскоре стало не до тетради.

С замирающим сердцем он прислушивался к каждому звуку. Вот проскрипели ступеньки порога... половицы в сенях... хлопнула дверь на кухню... недолгая тишина, затем – грохот падающей крышки от кастрюли: это мама узнала про

обвал... опять тишина и, наконец, грозное: «Что-о-о?!», от которого Стас зябко поежился, – это папа узнал про курево.

На улице раздался страшный удар грома, и вслед за ним, в такт раскатам, как показалось от страха Стасу, послышались надвигающиеся из соседней комнаты шаги отца. Съежившись, он закрыл глаза.

Дверь рывком распахнулась, и...

Словно сто молний сверкнуло перед глазами Стаса.

– Уа-ааа! – взвыл он от боли.

– Что с тобой? – остановился от неожиданности на пороге отец.

– Ау-уб!.. – тыча пальцем в открытый рот, попытался объяснить Стас.

Отец посмотрел на леску, на ремень, на сына и развел руками, обращаясь к испуганно выглядывавшей из-за его спины жене:

– Ну, что ты с таким прикажешь делать? У всех сыновья как сыновья, а этот... выпороть, и то нельзя! Ну, посмотри на него: и смех и грех! Кто же рвет леской?! Не молочные ведь зубы!

В другой раз Стас непременно обиделся бы за такое сравнение. Но сейчас он был даже рад. Отец отвязал леску от зуба. Боль быстро утихала.

Мама тем временем ахала и охала, ужасалась, что он мог погибнуть в карьере. Папа, перебивая ее, говорил, что курение в таком возрасте опасней любого обвала. А Стас, делая

вид, что слушает их, на самом деле думал о том, что его гроза, в отличие от той, что за окном, миновала.

Но не тут-то было!

Когда разговор, казалось, уже подходил к концу, отец неожиданно вспомнил о наказании: целая неделя взаперти!

– Будешь сидеть без игрушек и плеера! – строго сказал он. – Кстати, где он?

– Да я это... Макс... взял послушать... – пробормотал Стас.

– Вернет – сразу мне. А ты сиди и думай, как собираешься жить дальше! Так сказать, о смысле своей жизни!

Отец взял рюкзак и огляделся, ища, не осталось ли чего, что могло бы помешать Стасу думать о смысле жизни. Увидев забытую Ваней тетрадь, он вопросительно посмотрел на сына:

– Что это?

– Не знаю, Ванька принес! – пожал плечами Стас.

– Сейчас проверим! – отец взял тетрадь и вслух зачитал: – «Приди и виждь!», то есть «Приди и посмотри» по-русски. Историческая повесть. Ну-ка, ну-ка: «Император Деций приказал срочно собрать Совет по делу чрезвычайной важности...». Молодец Ваня! Даже на каникулах помнит о школе. Вот тебе и занятие!

– Как! И это ты тоже знаешь?

– Ребята-а-а! Пошли в космонавтов играть!..

– Чур, я Гагарин – я же ведь тоже Юрий!

– А я тогда Герман Титов!

– Андрюха, а ты кем будешь?

– А мне все равно!

– Гляди, Васька, что он делает – черный хлеб белым закусывает!

– А так вкуснее! Настоящему космонавту силы нужны.

– Да ты со своими силами уже в грузовой корабль не поместишься!

– Я? А по шее давно получал?

– Кончай спорить... Глядите, Гришка куда-то бежит!

– Может, еще кого в космос запустили? Гришка всегда всё знает! У него отец, Иван Петрович, пред-колхоза! Да и сам он – председатель совета отряда! Эй, Гришка-а! Ты куда?

– Куда-куда? Чего вы всё ерундой занимаетесь? Пошли лучше посмотреть, как наш храм будут рушить!..

* * *

Отец Тихон услышал деликатное покашливание и, открыв глаза, увидел сидящего на краешке стула однорукого стари-

ка.

– Постой-постой... дядя Капитон? Ты?!

– Да какой же я дядя? Я и забыл, когда меня последний раз так называли... Давно уже все дедом кличут!

– А, ну да... ну да...

– А ты откуда меня знаешь? Валентина, что ль, рассказала?

– Да кто ж тебя дядя... прости, дед Капитон, не знает? Первый плотник на всю округу! Твои срубы да баньки ни с какими другими не спутаешь. А какие ты ставни делал! С птичками, со зверьками...

– О! Это когда было!.. Теперь ставни не в моде. Сейчас жизнь что сухарь с маслом: у кого занавески на окнах, у кого решетки! Погоди... А это откуда тебе известно?! Я ведь последнюю баньку лет двадцать назад срубил...

– Так ведь слухом земля полнится! Я, например, знаю, и то, что с тобой еще раньше было! У тебя ведь – шрам на спине – во всю спину?

– Да-а...

– Ты его на войне, когда танк за тобой по открытому полю гонялся, получил, верно?

– Да, но...

– Тот танк ты подбил, и тебе орден за это дали! Ты про тот случай в школе любил рассказывать!

– О!..

– Пионеры тебе на шею галстук завязывали!

– Э!..

– Только почему-то на каждой новой встрече ты прибавлял по танку...

– У!..

– А потом тех самых пионеров, которые тебе галстук подвязывали, ты своими руками в саду, за то, что яблоки воровали, – крапивой, крапивой!..

– Как! И это ты тоже знаешь?!

– Я много что про тебя знаю...

– Ну всё, хватит! С меня и этого довольно! – с испугом посмотрел на отца Тихона дед Капитон. – Я лучше это... того... пойду!

– На свою любимую рыбалку? Как всегда, с сеткой?

– И не просто пойду – побегу, раз и это тебе известно!

Мало ли, что ль, у меня за душой еще всякого?

– Да погоди, дед Капитон! Стой! Я больше не буду про тебя. Это я так, от радости... Сейчас тебе всё объясню! Я же ведь...

Но дед Капитон, уже больше не слушая его, соскользнул с краешка стула и, шаркая валенками, заспешил – рассказывать всем в деревне, что у них в медпункте появился прозорливый монах!

Глава четвертая

1

Птицы – и те были счастливей его!

Дверь хлопнула, отрезая Стаса от всего, что еще полчаса назад было так привычно и доступно ему. Он с досадой покосился на зуб: уж лучше бы выпороли! Проще потерпеть три минуты, чем мучиться целых семь дней!

За окном летали развеселившиеся после грозы ласточки, без умолку трещали на все голоса воробьи. Птицы – и те были счастливей его!

Не зная, чем занять себя, Стас походил из угла в угол, посидел на кровати... Он честно пытался думать о том, как жить дальше, но из этого ничего не получалось... Наконец в соседней комнате включили переносной (Леночка наверняка назвала бы его «перевозной!» – невесело усмехнулся Стас) телевизор, но... звук приглушили так, что нельзя было разобрать ни полслова из футбольного обозрения.

Зато родители нарочито громко – явно для него! – говорили:

– Не слишком ли мы строго с ним? – спрашивала мама.

– Строго?! Да он чудом остался жив! – отвечал ей отец. –

Если бы ты своими глазами видела этот обвал!..

– Подумать страшно: солнце бы завтра встало, птицы бы запели, а его бы уже не было...

– Да, еще бы немного – и все, поминай, как звали!

Услышав эти слова, Стас поджался, почувствовав, как на него надвигается нечто гораздо более страшное и беспощадное, чем даже недавние шаги отца... Зачем думать о смысле жизни, если все равно придется умирать?!

Он зажал уши, чтобы не слышать папин голос, но как можно запретить молчать мыслям?.. Чтобы хоть чем-то отвлечься от них, он взял тетрадь и сощурился на приклеенную табличку с названием «ПРИДИ И ВИЖДЬ!». За титульным листом следовали страницы, плотно исписанные мелким, но разборчивым, чем-то похожим на учительский, почерком...

2

«Приди и виждь!».

Историческая повесть

Император Деций приказал срочно собрать Совет по делу чрезвычайной важности.

Собственно, в тот 249-й год каждое совещание в императорском дворце было чрезвычайным.

Совсем недавно «Вечный Город», как гордо именовал себя Рим, пышно отметил свое тысячелетие. Но вот теперь вслед за праздниками наступили ужасные будни.

С Востока все явственней доносилось лязганье оружия и

нетерпеливое ржание боевых коней: то напоминала о себе Риму приходящая в былую мощь Персидская Империя.

Южные границы громче и громче оглашали победные кличи варваров. Сама же Римская Империя сотрясалась от внутренних неурядиц.

Нужно было немедленно спасти государство.

Дворец быстро заполнялся вызванными людьми, большинство из которых были военные. Мелькали алые полосы сенаторских одежд, поблескивали золоченые доспехи поседевших в сражениях легатов. Лишь стоявшие вдоль стен каменными изваяниями германцы-телохранители сохраняли невозмутимое спокойствие.

Все терялись в догадках.

– Что за спешка? – только и слышалось кругом.

– Что произошло?

– Не готы ли вторглись в наши пределы?

– А может, новый мятеж?

– Только не это! – болезненно поморщился самый старый легат. – Одно дело рубиться с варварами, и совсем другое – со своими!

– Попытаюсь разузнать что-нибудь через цезаря! – пообещал молодой трибун с озорными глазами, увязываясь за пересекавшим залу старшим сыном императора, но эта попытка не имела успеха.

– Проще получить ответ у его статуи! – вернувшись, сообщил он, кивая в сторону площади, где на пьедестале памят-

ника прежнего императора срочно высекали имя нового¹. – Если, конечно, докричишься!

– Ну и язык у тебя – острее меча! – неодобрительно покачал головой старый легат.

– А чего ему бояться? – встрял в разговор один из штабных командиров. – Он с цезарем в приятелях!

– Нашел, чему завидовать! – трибун неожиданно нахмурился. Где теперь верные друзья прежних августов?..

Он не договорил.

– Император цезарь Гай Мессий Квинт Траян Деций благочестивый, счастливый Август! – торжественно возгласил императорский номенклатор.

Двери медленно отворились. В залу, в сопровождении начальника личной гвардии – префекта претория Валериана, вошел Деций, одетый в пурпурный плащ. Названный Траяном в честь своего знаменитого предшественника, он энергично приветствовал отсалютовавших ему военачальников и пригласил их сесть.

Это был человек, основательно потрепанный годами и военными дорогами. Хотя седые волосы его, по моде, заведенной последними императорами, были коротко пострижены, а бородка скорее напоминала щетину, он отличался от них аристократическими манерами и не столь грубыми чертами лица.

---

¹ В эпоху античности часто, чтобы не изготавливать новой скульптуры, брали старую и просто подписывали ее новым именем.

Речь его была по-солдатски проста, но чувствовалось, что он снисходил до нее, чтобы его лучше понимали собравшиеся. Взгляд был властным и в то же время недоверчиво-подозрительным.

Как обычно, Деций начал с последних сообщений, поступивших с границ Римского мира.

Дело прояснялось на редкость медленно. Военачальники и проконсулы, вполуха слушая названия крепостей, подвергшихся нападению варваров, понимали, что их вызвали сюда не из-за этого.

Император, сделав небольшую паузу, продолжал о трудностях внутри самой Империи.

– Спасение только в одном! – разрубил он воздух ребром ладони. – В возрождении старого римского духа, в безжалостном искоренении всего, что угашает его!

Собравшиеся оживились, стали слушать внимательней.

А когда император сообщил, что накануне вечером получил секретное послание Сената, поддержавшего его предложение укрепить власть с применением чрезвычайных мер, поняли: вот оно, главное!

Деций не желал повторять печальной участи своих предшественников. Взять, к примеру, хотя бы трех из последних владык Римского мира. Ни один из них не сумел надолго удержаться на высшем гребне власти. Очередной шторм смывал его кровавой волной в бездну смерти, вместе с сыновьями, женами и ближайшими друзьями.

Да и зачем далеко ходить за примером? Вон – сам Деций: отправившись на Дунай по приказу императора Филиппа Араба усмирять поднявшие мятеж войска, он вскоре сам развернул копья этих солдат против законного владыки.

Чем дольше говорил он сейчас, тем яснее становилось. Этот Август хочет навести в Империи такой порядок, который исключит возможность нового мятежа.

– Чтобы поднять престиж императорской власти и укрепить единство в государстве, – сказал наконец самое главное Деций, – необходимо по всей Империи принести жертву гению императора. Моему гению! – обводя запоминающим взглядом присутствующих, весомо уточнил он. – Этим будет засвидетельствована благонадежность всех предо мной и Отечеством!

– Наконец-то! – раздались одобрительные выкрики.

– Давно пора навести порядок в государстве!

– А то скоро на новые императорские плащи и багрянок не останется! ²– съязвил молодой трибун.

Деций дал знак Валериану. Префект претория поднял руку, и разом установилась тишина.

– С этой целью в означенный день, под наблюдением специальной комиссии, во всех провинциях будет принесена такая жертва. Отказавшимся, если вдруг таковые найдутся, – пытки, в случае упорства – смерть. Вот подписанный мною соответствующий эдикт. После доработки мелочей приказы-

---

² Багрянками назывались улитки, из сока которых делали пурпурную краску.

ваю доставить его во все концы Римского мира!

– Поразительно – как можно составить документ, решающий судьбу государства, всего за одну ночь?! – шепотом, но так, чтобы это слышал император, обратился к соседу чиновник с хитроватым лицом, и тот еще более громким шепотом ответил:

– Так у него же главный советник – Валериан!

– Неизвестно, кто из этих льстецов достиг большего – Деций ведь тоже в свое время был префектом претория у прошлого Августа! – шепнул молодому трибуну старый легат, но только так тихо, что этого не слышали ни сидящий рядом штабной офицер, ни поглядывавший на них проконсул, ни тем более император, который, дав знак о прекращении Совета, в сопровождении Валериана покинул залу, чтобы отбыть вскоре к месту боевых действий...

3

К счастью вскоре раздался стук в дверь...

... – Сыно-ок, ужинать!

Стас мигом захлопнул тетрадь и с надеждой прислушался: неужели прощен?!

Но не тут-то было!

– Он наказан! – послышался суровый голос отца. – Станислав, быстро за стол!

«Ну и ну», – вскакивая с кровати, подивился сам себе Стас. Обычно его приходилось звать по несколько раз, а тут ноги сами вели на кухню!

– Ты что будешь – курицу или котлету разогреть? – спросила мама.

– Нечего у него спрашивать, – оборвал ее отец. – Пусть приучается есть то, что дают!

И все-таки мама есть мама – положила ему самые лакомые кусочки. Но – и наказание есть наказание – после этого повела себя так, словно его и не было рядом.

– Молоко-то здесь до чего вкусное и дешевое! – наполняя стаканы, восхищалась она.

– Редкое сочетание по нынешним временам! – усмехнулся отец.

– А куры? Разве их можно сравнить с теми, что у нас в магазинах?

– Так ведь деревня!

– А я видел... – начал, было, Стас, но папа сухо сказал:

– Ешь молча!

Тут то ли маме стало наконец жалко сына, или отец понял, что слишком уж строг с ним, но с этой минуты все почему-то стали есть молча.

К счастью, вскоре раздался стук в дверь, и сходявшая узнать, в чем дело, мама вернулась со словами:

– Там Ваня!

– Ко мне?! – радостно подскочил Стас.

– Нет, к папе! Садись за стол, Ванечка!

– Некогда мне – мамка к вам послала; беги, говорит, скорей за Сергей Сергеевичем!.. – выпалил Ваня.

– Тихону Ивановичу хуже? – поднимаясь, с тревогой спросил отец.

– Нет, бабе Поле!

Сергей Сергеевич торопливыми глотками допил молоко и, уже взявшись за ручку двери, вспомнил о сыне:

– До моего прихода из дома ни шагу!

4

Как ни был увлечен Крисп, слух его уловил приближающиеся шаги...

...Было раннее утро, когда Крисп, сын императорского курьера Марцелла Фортуната, спустился по каменным ступеням красивого, возвышавшегося над всем кварталом дома. Отца вызвали ночью на службу, и он спросил у подметавшего дорожки привратника, не возвращался ли тот из двorca.

– Нет, господин! – низко поклонился двенадцатилетнему мальчику старый раб.

– А где Скавр?

– Господин управляющий пошел торопить поваров с завтраком!

Крисп остался доволен обоими ответами.

Он оглядел сновавших по двору рабов, убедился, что им нет до него никакого дела, и быстрыми шагами пошел по тропинке к видневшемуся в глубине сада деревянному домику. Здесь он толкнул рукой предательски заскрипевшую дверь и, еще раз оглянувшись, нырнул в темный проем.

Внутри царили сырость и мрак. Редкие иглы света, пробивавшиеся сквозь заколоченные окна, не столько освещали, сколько подчеркивали встретившую его темноту.

Бывшая кухня была завалена вещами, хранящими запахи, знакомые с раннего детства. Крисп на ощупь прошел через нее и оказался в комнате. Уверенно ориентируясь, он протиснулся в узкий проход между стеной и грудой отслужившей свой век мебели и оказался в известном только ему с матерью уголке. Сюда они приходили тайком от всех, чтобы помолиться Богу.

Мама...

Хоть и говорит отец Нектарий, что не следует тосковать по ней, а, наоборот, должно радоваться, ибо она теперь – святая... Но все же – как трудно ему без нее!..

Он опустился на колени перед прадедовским грубым столиком с резными ножками. Казалось, еще недавно они обедали за ним всей семьей. Потом отец выстроил новый дом, этот остался заброшен, и столик стал для них с мамой чем-то вроде домашнего алтаря. Он был поставлен так, что на него падали лучи света из расширенных щелей. Как всегда, они вырывали из темноты свиток папируса с молитвами, бе-

режно завернутые в чистую тряпицу кусочки Агнца, которые выдавал в день Господень – воскресенье – отец Нектарий, чтобы можно было причащаться в течение недели, и связанный еще мамой из двух ивовых веточек крест. Мальчик взял его в руки, с благоговением поцеловал и начал молиться:

– Встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос!

Как учил отец Нектарий, он просил у Бога здоровья и мудрости императору Децию, приобщения к истинной вере отца и спасения всем христианам.

– Отче наш, сущий на небесах... – беззвучно шевелил он губами, не сомневаясь, что Господь слышит его. Напротив, скажи кто ему сейчас, что это не так, и он несказанно бы удивился.

– Хлеб наш насущный подавай нам на каждый день...

«Нам» – потому что так много было за воротами людей, у которых не было даже кусочка хлеба, не говоря уже о теплой одежде и крове – ни-че-го...

Как ни увлечен был Крисп, слух его уловил приближающиеся шаги, протяжный скрип двери, и...

– Проходи, Скавр, не бойся!

Мальчик весь сжался – это был голос отца.

В ответ на приглашение раздались по-солдатски твердые шаги управляющего.

– Завтра я уезжаю, возможно, надолго... – как-то задумчиво начал отец. – И хочу дать тебе важные указания!

– Слушаю, Марцелл!

– Ты, наверное, удивился, что я даю тебе их не в своем кабинете?

– Да!

– А здесь, куда я запретил входить не только рабам, но и тебе?

– Д-да...

– Дело в том, что этот разговор не должна слышать ни одна живая душа. А сюда не заходит никто, даже я!

– Давно хотел спросить тебя, но не решался... Почему?

– Как бы это тебе объяснить: здесь, в этом доме похоронено мое счастье... Ты человек новый, я взял тебя управляющим уже в свой дворец. Наверняка от рабов ты знаешь, что я был женат, что у меня было трое детей и мы раньше счастливо жили в этой лачуге. Думали, так будет всегда, но боги рассудили иначе. Сначала попал под копыта лошадей выскочивший на улицу старший сын... Не успели мы оплакать горе, как заболела и умерла от горячки наша единственная дочь. Жена была безутешна. А мне некогда было утешать ее – начиналась подготовка 1000-летия Рима. Работать приходилось, как рабу на рудниках... Словом, нашелся другой «утешитель».

Марцелл вложил в последнее слово столько ненависти, что Крисп невольно похолодел.

– После одной, особенно долгой, отлучки я не узнал ее. Она стала совсем другая. Ее перестало волновал все, что

раньше было близко и дорого нам. Мы мечтали жить в большом доме, я построил целый дворец. Выбился из простого курьера в императорские! Ей было все равно... Я чувствовал, она что-то скрывает, между нами возникла непреодолимая стена. Если б я знал все сразу... я бы ни за что не отпустил ее погостить к сестре, в Александрию! Но я был тогда в отпуске, мог побыть с Криспом, а она так просила...

Марцелл помолчал, успокаиваясь, и прерывистым голосом продолжал:

– А через месяц мне сообщили, что моя жена после страшных мучений казнена в Александрии как... христианка! Я выяснил и узнал всё... Оказывается, за время моего отсутствия, ее обманом вовлек в свою веру пресвитер Нектарий! Подумать жутко: моя Аврелия вместе с этими безумцами кланялась ослиной голове и приносила в жертву невинных младенцев!

– Прости, Марцелл, – осторожно возразил Скавр. – Я тоже всякое слышал о христианах, но, общаясь с ними на рынке, в лавках, не могу сказать о них ничего худого. Больше того – я предпочитаю иметь дело именно с ними, потому что не помню ни одного случая обмана или жульничества с их стороны. Нет – было. Один раз... Но на следующий же день обвесивший меня зеленщик принес извинения и возместил ущерб вчетверо!

– Что, конечно, ты утаил от меня? – беззлобно уточнил Марцелл.

– Было дело!.. – виновато улыбнулся Скавр и снова стал защищать христиан: – Да, они все делают на своих собраниях в тайне. Но сам рассуди, как они могут пить кровь младенцев, если им запрещено вкушать даже кровь животных? А что касается ослиной головы, так они просто смеются, что мы верим в это!

– Послушать тебя, так ты сам христианин!

– Нет, как бывший воин, я поклоняюсь Митре и привык говорить только правду!

– За это я и взял тебя управляющим! – согласился Марцелл. – Как и за то, что мне рекомендовали тебя, как самого исполнительного человека в этом городе. А теперь о главном. Пошли в комнату!

Крисп услышал скрип половиц... грохот упавшего медного таза...

– Я ничего не вижу, Марцелл! – воскликнул Скавр.

– Ну так сходи за фонарем! – посоветовал отец. – А я пока постою здесь...

Одни шаги – чужие, неповоротливые, начали удаляться, другие – легкие, родные, приблизились так, что Криспу нечем стало дышать...

Глава пятая

1

Женщина увидела его, и...ах!

Стаси-ик!..

– Чего? – нехотя оторвался от чтения Стас.

– Сходи за водой!

Стас, как это бывало во время наказаний, не прекословя вышел из дома.

На улице было так, как бывает только после грозы. Он легко ступал по влажной еще дороге, полной грудью вдыхая особенно вкусный воздух.

У колодца стояли две женщины с тремя ведрами и большим баком на тележке. Наполняя его, они, не умолкая, без точек и запятых, тараторили каждая о своем, обсуждая всех: правительство, начальство, мужей, соседей:

– Куда смотрит правительство? Ни пенсий, ни зарплат, сами в «Мерседесах» ездят, дачи на Багамах понастроили...

– А мой второй уже месяц не просыхает. С таким не то что дворца на Багамах – сарая во дворе не достроишь!

Такая беседа напомнила Стасу две параллельные прямые, которые, как известно, сколько их ни продлевай, никогда не сойдутся...

Он посмотрел на бак, ведра и прикинул, что за то время, пока он прождет здесь, можно сбегать к колодцу около Ваниного дома.

Решив так, Стас направился на соседнюю улицу. Когда он обходил лужу перед домом с прибитой над дверью подковой, калитка приоткрылась и сразу же захлопнулась. Это привлекло его внимание, и он прислушался к разговору за воротами.

– Чего это ты? – недовольно спрашивал мужской голос, и другой, оправдываясь, отвечал:

– Там с пустыми ведрами идут!

– Ну и что?

– Удачи не будет!

– Вечно ты со своими приметам! Иди, а то на поезд опоздаешь!

– Нет, я лучше подожду, когда с полными возвращаться будут!

Стас, хмыкнув, продолжил путь. Он тоже верил в приметы, особенно когда стоял на футбольных воротах и перед экзаменами. Но не до такой же степени!..

Дойдя до Ваниного дома, он постучал в окно:

– Вань!

Никто не отзывался. «Не сбегать ли до дома Ванькиной бабушки?» – подумал Стас. Но там был отец и умирала баба Поля. Незнакомо, что именно остановило его, только решив, что женщины уже наполнили бак, он направился об-

ратно.

И надо же было ему подойти к дому с подковой в тот самый момент, когда из него опять вышла суеверная женщина. Да еще крутя в руке пустое ведро!..

Женщина увидела его, и:

– Ах!

Выронила красивую, туго набитую сумку прямо в лужу!..

Вот и верь после этого в приметы!

Оглядываясь на заругавшихся у ворот мужчину и женщину, Стас дошел до колодца, набрал воды. Придя домой, он поставил полное ведро у маминых ног, с чувством выполненного долга, плюхнулся на кровать и стал отыскивать в тетради место, на котором прервал чтение...

2

...Крисп весь обратился в слух, боясь упустить хотя бы одно слово

...Марцелл сделал несколько шагов и остановился у разделявшего его с сыном, поставленного на бок родительского ложа. Судя по легкому позвякиванию золотого перстня по дереву и сдавленным стонам, Крисп понял, что он, плача, гладит его.

Дыхание отца становилось все тяжелее, громче, и он наконец дал волю своим чувствам, чего не мог позволить себе на людях. Так река прорывает плотину... туча, нависшая над

городом, рождает грозу...

Первый раз в жизни Крисп слышал, как плачет отец. Он уже не гладил – колотил кулаками мебель и, захлебываясь рыданиями, повторял:

– Как ты могла? Как ты могла?.. Но ты не виновата! Это – все он... Он!! Ты попала в его сети! Я долго терпел... Но теперь у меня наконец появилась возможность отомстить! И я – отомщу!..

Крисп слушал и тоже беззвучно плакал. Сердце его разрывалось. Отец проклинал то, что было ему дороже всего на свете, даже самой жизни! Он вдруг вспомнил, как мама впервые привела его к отцу Нектарию, как тот крестил его, рассказав о Христе... Когда отец бывал в отъездах, они по воскресеньям ходили на службу, а если был дома, мама умоляла его не выдать их... Несколько раз имя Господне уже готово было сорваться с его уст, но мама бдительно зажимала ему рот или успевала предупредить знаком. Потом она заверяла, что отец обязательно, по их молитвам, сам придет ко Христу, а пока нужно терпеть и молчать, чтобы по неведению, преждевременным гневом он не погубил всего. Однако время шло, не стало мамы, а отец по-прежнему не признавал Христа...

Но не может ведь так продолжаться вечно! Что, если с отцом что-то случится, и он так и умрет язычником, навеки погубив свою душу?..

«Господи! – взмолился Крисп. – Ведь он же хороший, доб-

рый, помоги ему!»

Он уже готов был выскочить из угла, подбежать к отцу и успокоить его, сказав правду о Христе, отце Нектарии, маме, за которую нужно теперь только радоваться!..

Но в этот момент за дверью снова раздались грубые солдатские шаги. А после этого он услышал то, что заставило его позабыть о своем намерении.

Сначала на потолке, словно зарницы – предвестницы молний – заиграли сполохи от внесенного управляющим фонаря. Потом отец уже уверенным, только чуть тише обычного, голосом сказал:

– То, что ты услышишь сейчас, не должен знать больше никто. Это – государственная тайна, за разглашение которой одно наказание...

– Смерть?

– Да! Но я вынужден открыть ее тебе, чтобы ты смог в точности выполнить мое указание. Здесь... – Крисп услышал, как отец похлопал ладонью по своей кожаной дорожной сумке, – находится императорский эдикт, который я должен развезти по провинциям. Содержание его в деталях мне неизвестно, но я знаю, что, согласно ему, скоро начнется уничтожение всех, кто откажется принести жертву гению императора.

– В первую очередь христиан, которые не станут поклоняться никому, кроме их Бога?

– Именно!

Крисп весь обратился в слух, боясь упустить хотя бы одно слово.

– Так вот, – повысил голос отец. – Ты должен сделать все, чтобы мой заклятый враг... этот Нектарий, не избежал пыток – самых страшных пыток, Скавр, и казни! Запомни: где бы он ни был, куда бы ни ускользнул, твоя задача – найти и выдать его властям!

– Будь спокоен, Марцелл! Скажи только, когда состоится жертвоприношение? – деловито осведомился управляющий.

– Не могу. Этот день известен лишь императору и самым близким из его окружения.

– С одной стороны, это не удобно для меня, а с другой – хорошо: Нектарий ведь тоже не знает его! – вслух рассудил управляющий. – А какие будут указания по хозяйству?

– Никаких! – отрезал Марцелл. – Меня сейчас волнует только Нектарий и мой сын, которого, кстати, я забираю с собой!

– Криспа? Ты не доверяешь мне?!

– Что ты, Скавр! Разве тогда я открыл бы тебе государственную тайну?

– Но зачем ты увозишь сына?

– А это уже моя личная тайна... Я подозреваю, что он – тоже христианин!

Услышав это, мальчик вздрогнул как от удара. Но нет, он не ослышался – отец продолжал:

– После смерти жены он стал для меня самым дорогим,

что только есть в жизни, дороже самой жизни! И я боюсь, что он последует примеру Аврелии. Ведь он упрям и доверчив, как мать! Я решил взять его, с одной стороны, чтобы спасти от смерти, а с другой – надеясь образумить и напугать видом пыток на обратном пути! А теперь идем. Пришли-ка его ко мне, чтобы я велел ему собираться в дорогу!

Блики уже не зарницами – грозными молниями заметались по потолку вслед за отцом и Скавром и удалялись, вновь уступая место тьме.

«Как же теперь быть?.. Что делать?»

Крисп с трудом дождался, когда стихнут шаги, и вскочил на ноги.

«Надо скорее предупредить отца Нектария, всех своих!»

Больно ударяясь о мебель, налетев на бронзовый таз, он выскочил из дома и, забыв про осторожность, не оглядываясь на рабов, на зовущего его управляющего, толкнул калитку и помчался по улице к тайному месту, где собирались по воскресным дням христиане.

«За что они так нас? – задыхаясь, не мог понять он. – Ведь мы же никому не делаем зла!..»

Вот наконец и нужный дом. Он ничем не отличался от других домов. Кроме едва заметного изображения виноградной лозы с гроздью на воротах.

Привратник приветливо улыбнулся знакомому мальчику:
– Проходи!

Но тот с серьезным видом шепнул первую половину па-

роля:

– «Христос...

– ... посреди нас!» – отозвался привратник и подтолкнул мальчика: – Да беги же, а то опоздаешь!

Крисп знакомыми коридорами прошел к двери, ведущей в подвал, спустился по ступенькам и увидел, что привратник был прав: он поспел как раз к причастию Святыми Дарами.

Мальчик обвел глазами счастливые, просветленные неземной радостью лица принимавших кусочки Агнца людей и, содрогаясь от мысли, что всем им, возможно, предстоит скоро погибнуть, причем в самых страшных муках, бросился к отцу Нектарию.

Он хотел рассказать все, что подслушал, но пресвитер, хоть и понял по выражению его лица, что произошло нечто ужасное, невозмутимо сказал:

– Воздай сначала Божие – Богу!

Крисп широко раскрыл рот и благоговейно принял в себя... нет, не просто кусочек Святого Хлеба, а – Самого Христа! Он не пытался, как иные, понять, как может Бог, Который создал целую Вселенную и пред Которым трепещут небесные силы, войти в грешного человека, будь он мальчик, раб или сановник, причем не частицей, а весь – Небесный. Он просто знал, не пытаясь разобраться в этом умом, что это действительно так. И Бог сейчас в нем!

– Ну вот, а теперь можно и кесарево – кесарю. Говори! – разрешил отец Нектарий.

– Я... мой отец и Скавр... там... – сбивчиво начал Крисп и выпалил: – Император издал эдикт, чтобы все принесли жертву его гению!

– Так... – задумчиво произнес священник. – Это означает только одно – массовые гонения на христиан! Несколько десятилетий императоры не трогали нас. Только некоторые ретивые язычники пытались искоренить нашу веру по местам, как, например, недавно в Александрии. А теперь во всем Римском мире снова начнутся пытки, мучения, казни...

– Выдержим ли мы их? – слышались встревоженные голоса. – Хватит ли у нас сил перенести так, как наши старшие братья-мученики?

– Сами, конечно, нет! – с кроткой улыбкой ответил пресвитер. – Но Господь Своей благодатью укрепит нас и даст силы претерпеть любые мучения. Со стороны это будет выглядеть чудом, глядя на которое тысячи и тысячи людей уверуют во Христа. А для самих мучеников любая пытка превратится в радость, нет, в счастье от скорой встречи с Христом, который Своей благодатью и утешит нас, и утишит боль... Главное только нам самим не отступить от Бога, чтобы не лишиться этой благодати и небесных венцов!

– Со мною ведь тоже будет Божья благодать, правда? – прошептал Крисп, и отец Нектарий ласково погладил его по голове:

– Конечно! Ты с детства воспитан в благочестии, и за тебя у самого престола Божьего, на небесах молится теперь твоя

мама. А материнская молитва даже здесь, на земле, из глубин моря поднимет и из огня спасет! Ты вот что еще скажи нам, – вопросительно посмотрел он на мальчика. – Гонения уже начались?

– Нет, эдикт сначала нужно развезти по провинциям! Все произойдет в один день, который знает только император и самые близкие к нему лица, – словами отца объяснил Крисп и с готовностью заглянул в глаза пресвитеру: – А хочешь, я выкраду у отца сумку и сожгу все эдикты? Деций уехал на войну, пока еще напишут новые, пока он утвердит их...

Отец Нектарий с улыбкой посмотрел на мальчика и отрицательно покачал головой.

– Ну, тогда разреши вскрыть только один и хотя бы узнать день, когда всё начнется? – взмолился Крисп.

– Не могу: заповеди Господней никто не отменял! – развел руками священник. – Мы обязаны чтить отца и мать, а не губить их. Ты подумал, что сделают с твоим отцом, если обнаружат взломанную императорскую печать?

– А я... я скажу, что взял поиграть его – эти эдикты всегда в таких красивых коробочках – и... поломал!

– Эх, Крисп, Крисп! – отец Нектарий потрепал мальчика по голове. – Разве я учил тебя лгать? Разве не говорил, что, сказав неправду, ты перестаешь быть сыном Божиим и усыновляешься сатане? Ступай лучше домой!

– Не могу! – испуганно затряс головой Крисп. – Отец догадывается, что я христианин! Он ищет меня, чтобы забрать

с собой!!

– Ступай с миром, он не сделает тебе зла! – улыбнулся пресвитер. – Поверь, ты очень много сделал для нас!

Тут раздались голоса, упрашивающие отца Нектария тоже сберечь себя и немедленно уехать в безопасное место:

– Иначе после окончания гонений город останется без пастыря!

– Кто утешит тогда оставшихся в живых?

– Кто наставит в вере и окрестит новых сестер и братьев?

– Кто будет проводить службы, и совершать таинства?

– Иди же! – поторопил пресвитер, и Крисп так и не успел узнать, чем закончилось дело: ступенек наверх было так мало, а уговаривавших отца Нектария уехать «погостить» к брату в далекую Сирию так много...

3

Стас слышал, что свет от звезд идет много-много лет...

В комнате стало совсем темно.

Стас потянулся, спрыгнул с кровати, чтобы включить свет, и засмотрелся в окно.

Небо давно расчистилось от туч и поблескивало первыми, совсем не похожими на городские, звездами.

Стас где-то слышал, что свет от звезд доходит до земли через тысячи лет.

«Может, они послали его еще тогда, когда жили Крисп, Марцелл, отец Нектарий, Скавр...», – подумалось вдруг ему...

4

...Крисп мог теперь только солгать в ответ...

Крисп сидел в курьерской повозке рядом с отцом и через отверстие в кожаном пологе смотрел на звезды. Напротив спал толстый чиновник, который отвозил императорский эдикт на север. Еще один курьер, путь которого пролегал до Иберии³, как бывший центурион, предпочел ехать верхом, с сопровождавшими повозку охранниками. Им же с отцом предстояло побывать в восточных и южных провинциях.

Курьерам нужно было добраться до порта по суше, а там пересесть на служебные корабли. Выехали они поздно вечером и утром предполагали быть на месте.

Кучер, поторапливая лошадей, щелкал бичом, хотя мог и не делать этого: четверка каппадокийских гнедых и без того резво мчалась по широкой, мощенной булыжником дороге.

Иногда навстречу попадались тяжело груженные купеческие повозки, спешащие до рассвета достичь городов с их

---

³ Испании.

шумными рынками.

Спать не хотелось – слишком много событий произошло за минувший день. Разговор с отцом тоже не клеился, и оживлялся, лишь когда они обгоняли очередную когорту идущих на войну легионеров. Тогда отец начинал рассказывать о них столько интересного, что Крисп забывал все, что тяготило его сердце.

Оказалось, что первая когорта легиона состоит из самых крепких, рослых, выносливых воинов. Именно ей доверяли сохранность главного знамени римского войска – орла и изображение императора. Она первой шла в наступление, а в обороне принимала на себя первый, наиболее тяжелый удар врага.

– Это ала! – объяснял отец, показывая на скачущих всадников, и Крисп думал, что не зря такие отряды называли «крыльями»: они, словно и впрямь крылья большой темной птицы, обгоняя их, пронеслись вперед.

Еще отец рассказывал о таранах, баллистах, других метательных машинах, очертания которых, точно страшные, невиданные звери, проплывали мимо, когда они объезжали их. В свете луны поблескивали доспехи, наконечники копий, и он говорил, что воины должны часто чистить свое оружие и следить за панцирями и латами, потому что блеск оружия и доспехов внушает особенный страх врагу. Кроме того, легионеры несли на себе в походах длинный тяжелый кол для палаток и частокола вокруг лагеря в месте остановок, коте-

лок, корзинку с запасом еды на несколько дней...

– Всего вместе с оружием – чуть меньше, чем вешишь ты! – улыбался отец.

Крисп тоже отвечал улыбкой.

А после вновь наступало тягостное молчание, и мальчику казалось, что они с отцом были гораздо ближе там, в старом доме, через перегородку, чем здесь, хотя и сидели плечом к плечу, тесно прижимаясь друг к другу. Отец тоже чувствовал эту стену и, словно тараном, бил ее неуклюжими шутками, метал через нее, как из катапульты, вопрос за вопросом, но все было тщетно... Разговор не получался.

Вдруг он спросил то, от чего им обоим стало не по себе:

– А чем ты занимался вчера утром, что я не видел тебя, вернувшись домой?

– Я?.. – мгновение помедлил Крисп и честно ответил: – Молился!

– Да? – деланно удивился Марцелл. – Что-то я давно не видел тебя около статуй наших богов! Или ты забыл, сколько добра они сделали нашему роду?

– Смотри, какая чудная повозка! – Крисп, отвлекая внимание отца, показал на выплывшую из предрассветной дымки громоздкую телегу с колесами, выточенными из одного бревна, которую уныло тащили за собой волы. Восседавший сверху крестьянин испуганно таранился на императорский вымпел над их пологом.

– Он, наверное, принимает нас за самого Деция!

– Возможно! – рассеянно кивнул Марцелл, не желая менять тему разговора: слишком важна была она для него. – И мой отец – твой дед, и деды моих дедов – все поклонялись олимпийским, а после – римским богам! Да и как может быть иначе?

«Может!» – мысленно возразил Крисп, но вслух спросил:

– А как называют воинов, которым доверяют носить орла?

– Так и называют – орлоносцы! И я, твой отец, сколько себя помню, с самого детства приношу жертву им и гению императора.

– А как называется тот, кто носит перед войском его изображение?

– Иммагинарий! – машинально ответил Марцелл и вспылil: – Неужели тебе даже неинтересно слушать об этом? Что ты улыбаешься?

– Да так...

– Нет, как отец, я желаю знать, о чем думает мой сын!

Крисп якобы покорно, но на самом деле чтобы утаить хитринку во взгляде, наклонил голову и, как школьник учителю, ответил:

– Я просто вспоминаю, как наш раб при переезде в новый дом отбил полголовы у родового Юпитера и думаю, как же он, «бог», мог допустить такое бесчестие?

Горячась, Марцелл стал говорить о своих богах, ссылаясь на авторитеты всех времен и народов, начиная с Гомера и кончая нынешним императором, однако вскоре потерял

нить мысли и махнул рукой:

– Фу ты, совсем запутал меня! О чем мы с тобой говорили?

– Об орлоносцах! – с готовностью подсказал Крисп.

– Нет, раньше!

– Об этом, как его... имма-гинарии!

– Еще раньше!

– О... вчерашнем дне!

– Вот-вот! – обрадовался отец. – Я и говорю, что без уважения к богам ты совсем отбился от рук! Где ты был, к примеру, вчера, что ни я, ни Скавр не могли сразу найти тебя?

Как назло, хотя уже окончательно рассвело, на всей дороге, насколько хватало сил у взгляда, не было ни всадников, ни легионеров, ни даже захудалой повозки...

Крисп мог теперь только солгать в ответ. Но он вдруг вспомнил слова Нектария и не захотел усыновляться сатане. Он покорно склонил голову и прошептал:

– Сначала я был в нашем старом доме, когда вы разговаривали в нем со Скавром...

– Как! – ошеломленно уставился на него Марцелл. – И ты... слышал все?!

– Да, отец...

– А потом?

– Потом... побежал к отцу Нектарию.

– Что-о-о?! И ты...

– Да, я предупредил наших об эдикте Деция... И даже

предложил выкрасть его или хотя бы узнать дату!

– И ты не боишься признаться мне в этом?!

– Но ведь ты сам учил меня говорить правду!

– Д-да... – выдавил из себя Марцелл, хотя весь его вид говорил, нет – кричал: «Но не всегда же, и не в такой степени!»

«До чего же они разные – мой отец и отец Нектарий, даже когда речь идет об одном и том же!» – поразился Крисп.

Марцелл вздрогнул, потянулся к дорожной сумке, но Крисп остановил его:

– Не беспокойся, там все на месте! Отец Нектарий запретил мне делать это...

Марцелл словно бы колебался: поверить сыну или же убедиться в сохранности императорских эдиктов, среди которых было немало других, в том числе особо секретных... Он долго молчал, и Крисп не торопил его. Он понимал, как трудно сейчас отцу.

После того как все было рассказано, он почувствовал вдруг такую легкость, что, казалось, птицей мог взмыться над повозкой. Но вслед за этим, словно испугавшись, как бы он и впрямь не сделал этого, события минувшего дня всей тяжестью навалились на его ресницы. И когда отец, очнувшись, тихо спросил:

– Но почему?!

Ответа не последовало – Крисп уже спал...

5

Потом буквы стали сливаться...

Уснул и Стас. Он даже сам не понял, в какой момент это случилось.

Сначала буквы, выделенные аккуратным, похожим на учительский, почерком, начали рябить и менять очертания.

«Б» – римскими легионерами понесли на себе колья для частокола вокруг лагеря... «А» – щитами болтались за спинами уставших воинов... «К» – в имени римского мальчика замахивалась бичом на четверку коней... А бесконечно долгое слово «последовало» – на трех выточенных из бревен колесах прокатилось тяжелым, неповоротливым тараном...

Потом буквы стали сливаться в шеренги строк, шеренги – в когорту страницы... И вошедший маме осталось лишь поднять упавшую на пол тетрадь, укрыть Стаса одеялом и выключить свет.

6

– Васька, куда? Стой, оглашенный! Сто-ой!

– Да что же вы, ироды, делаете?

– И так закрыли, родимую, так и еще совсем порушить

решили?

– Креста на вас нет!

– А зачем он нам? Посторонись, мамаша! Люди в космос всюду летают, а ты до сих пор – крест... крест... Кстати, Иван Петрович, с крестом-то что делать будем?

– Как что? Зацепи его тросом, и – трактором!

– Трактором я могу, а на купол найди кого помоложе лезть. Вон – хотя б Капитона!

– Эй, Капито-о-он, иди-ка сюда!

– Ну чего еще?

– Кончай иконы рубить! Давай, лезь на купол!

– Сам лезь! Не видишь, я руку поранил?

– Еще не хватало, чтоб председатель колхоза пятками перед вами сверкал! Ну что, ни одного смелого, что ли, во всей Покровке нет?

– Есть, дядя Вань, есть!

– Васька, куда? Стой, оглашенный! Сто-ой!..

Скрипнула входная дверь, в палату пахнуло свежим ночным воздухом, и в полной темноте послышались чьи-то осторожные шаги.

– Кто здесь?

– Это я, отец Тихон, Валентина!

– А почему свет не включаешь?

– Вас не хотела будить. И потом, я ведь тут каждую вещь на ощупь знаю! Сейчас только таблетки возьму...

– Что шмыгаешь носом – маме?

– Нет, теперь уже мне! Маме больше никакие лекарства не помогут...

– Что... Пелагея Васильевна... Бабушка Поля – умерла?!

– Нет! Но... «Скорая» только что приезжала, и просили – больше не вызывать. Сказали, чтобы я дала умереть ей спокойно. А как это – спокойно, если она всё время священника из города просит привезти, а тот, как нарочно, в отъезде... Не могу больше смотреть на ее муки. Ну, я пошла!..

– погоди... постой! А я тут зачем?

– Так вам ведь нельзя!

– Ну, это еще как сказать? Ты мне только... подняться помоги, а там уже Сам Бог нам поможет!

– Но, отец Тихон... отец Тихон!! Отец Тихон!!!

– Вот видишь, и встали... и идем!

– Вам не плохо? Не больно?

– Нет, всё хорошо. Всё хорошо будет! Воздух-то здесь какой, а? Соловьи поют... Вот и пришли... Вот и калиточка ваша... И дверка. А вот и бабушка Поля. Ну, здравствуйте, Пелагея Васильевна!..

– Васенька? Вася!!

– Мама, какой же это Вася? Это я тебе батюшку привела! Как ты просила... Сейчас он тебя исповедует, причастит! Не обращайтесь внимания, отец Тихон. Это у нее от лекарств...

– Отец... Тихон?

– Да, бабушка Поля, да... Ты готова?

– Конечно, сынок! Уж столько ждала... Конечно...

Валентина тихонько вышла из комнаты и вошла, когда ее мать, уже счастливая и умиротворенная, лежала после исповеди и святого причастия...

Отец Тихон сидел рядом с ней, глядя ее руку...

Они о чем-то разговаривали и, увидев вошедшую, быстро закончили свой разговор. Собственно, прерывисто и едва слышно говорила одна бабушка Поля:

– Это хорошо, что ты не успел сказать всего Капитону... И другим открываться не стоит... пока! Тебе надо, чтобы люди и поверили и доверили тебе сделать то, ради чего ты приехал. А узнают, кем ты был, не поверят даже тому, кем стал. Не все, конечно... Но есть еще такие, которые опять станут мутить народ...

– Всё хорошо... все хорошо будет, баба Поля! И храм в Покровке поднимем. И службу снова начнем!

– Дай-то Бог! Моя мама ведь за него жизнь положила... Поехала в город просить, чтобы храм не закрывали, а ее вместе с батюшкой нашим, отцом Григорием, за это...

– Знаю, бабушка, помню – расстреляли... Но теперь они – святые, молятся за нас, и нам нужно только радоваться этому!

– Вот я и радуюсь... Гляжу на тебя – и совсем умирать не страшно... Жив Господь!

– Ну, может, и ты еще поживешь!

– Нет, мне уже уходить!.. Пора... И теперь слушай самое главное... ради чего, может, Он дал мне дожить до этого

дня... Когда всё будет готово, Валя – слышь, дочка? – откроет тебе дверь в комнату... куда не входила ни одна живая душа, после того как её закрыл отец Григорий... Но – только когда всё будет готово, и ни днем раньше! Это его последний наказ... Там ты найдешь всё, что тебе будет нужно. А теперь всё, ступай!.. Иди... Не знаю, и чего я такого хорошего... сделала в жизни, что Господь... так утешил меня... в самом её конце?..

Глава шестая

1

– Ванька! – ахнул Стас, бросаясь к окну...

Стас, проснувшись, приоткрыл один глаз и тут же зажмурился. Солнечный луч, который все утро досаждал ему, норовя пролезть под ресницы, сделал свое дело. Спать больше не хотелось.

Он зевнул, сладко потянулся и замер, силясь припомнить, как это бывает иногда в первые мгновения после сна, где он и что ожидает его сегодня. Помнится, что-то важное! Но – хорошее или плохое?..

Стас обвел взглядом голые, без привычных плакатов с футболистами и певцами, стены... услышал кудахтанье кур, полаивание собак...

Ах да – он в деревне!

Набежавшая на солнце тучка проглотила озорной луч.

Так что же все-таки: плохое или хорошее?

В соседней комнате негромко переговаривались родители.

Стас прислушался.

– Хоронить-то когда теперь будут? – спрашивал мамин голос.

Бесцветный от усталости папин отвечал:

– Как и положено, по обычаю, на третий день.

– Значит, в воскресенье?

Стас насторожился: неужели, отец Тихон уже умер?!

Но нет, речь шла о какой-то Пелагее. А после – и вовсе о нем:

– Что наш?

– Спит! Жалко его... Может, выпустим сегодня?

– Пусть сидит дома, ума-разума набирается!

«Вот оно – наказание!» – вспомнил наконец Стас.

Луч, вырвавшийся на свободу, словно утешая его, теплым солнечным зайчиком стал тереться о щеку. Но вскоре и он оставил его. Солнце закрыла большая, под стать настроению, туча.

Стас понуро встал и не спеша – куда, собственно, теперь торопиться? – стал одеваться. Но не успел он застегнуть рубашку, как в стекло осторожно постучали и послышался знакомый голос:

– Стаси-и-ик!..

– Ванька! – ахнул Стас, бросаясь к окну. – Хорошо, что ты пришел!

Но Ваня почему-то не разделял его радости. Глаза у друга были покрасневшими. Он беспрестанно шмыгал носом.

– Ты что, заболел?

– Нет, у нас горе! – Ваня неожиданно всхлипнул и трудно, будто губы у него были из камня, выдавил: – Баба Поля умерла!..

«Еще одна смерть! Да что же это делается?!» – простонал про себя Стас, но вслух, как это бывает принято в подобных случаях, сказал:

– Ты это... как его... не переживай!

– Так ведь – бабушка! Знаешь, какая она добрая... была?

Ваня с таким трудом выговорил слово «была», что Стасу действительно стало жаль его. Пытаясь отвлечь друга, он спросил:

– А Ленка где?

– Дома. Забилась в дальний угол и плачет...

– По бабушке?

– Нет – по себе!

– Как это? – не понял Стас.

– А она только сейчас узнала, что тоже когда-то умрет!

Ваня еще немного постоял под окном и заторопился:

– Я ведь на минутку! Мамка послала к плотникам – гроб заказать. Вот здесь все размеры! – показал он сжатый в кулаке листок.

Стас испуганно отшатнулся, а невысокий крепыш Ваня продолжал:

– Представляешь, человек, после того как умирает, вытягивается на десять сантиметров. А некоторые – даже на пятнадцать! Вот бы при жизни так было!..

Забыв про поручение, он принялся рассказывать о предсмертных словах бабы Поли и как она умирала, от чего Стасу вконец стало не по себе. Насколько он рад был приходу друга, настолько теперь хотел, чтобы тот поскорее ушел. И когда Ваня наконец скрылся за поворотом, не вникая в смысл сказанного, – так он обычно приговаривал, освобождаясь от тяжестей – выдохнул:

– Слава Богу!

Выдохнул и... не почувствовал облегчения!

Хуже того, представил Лену и вспомнил, как сам первый раз в жизни узнал о смерти. Не той, что по телевизору, в газетах или когда хоронят на улице, а собственной, неминуемой, вместе с которой, умирая, навсегда исчезает самое дорогое и ценное, что только есть в жизни – родное, собственное «я»...

2

И тогда тихо-тихо, едва слыша самого себя, он спросил...

Это случилось шесть... нет – семь лет назад. Он еще не ходил в школу, и у них тогда жил серый пушистый котенок Марсик.

В тот день мама принесла из магазина несколько мелких рыбешек. Схватив одну, он сразу же кинулся кормить своего любимца. Мама, как назло, велела ему хорошенько закрыть

входную дверь. Он так спешил, а та никак не закрывалась! Мешало что-то упругое, мягкое – как выяснилось вскоре... сам Марсик.

Бедный котенок с придушенным хрипом вдруг выскочил из-под двери и, извиваясь, стал биться о пол, словно резиновый мячик.

Они с мамой так и застыли на месте.

Постепенно Марсик успокоился и затих.

– Всё! – вздохнула мама. – Отмучился бедняга...

Он начал горько плакать, жалея котенка.

– Не плачь! – сказала мама.

– Но ведь ему же больно! – сквозь слезы возразил он и услышал:

– Нет, он уже ничего не чувствует, никого не видит и не слышит, он – умер!

Стас вспомнил, как обошел тогда вокруг котенка, не понимая, как это он не видит и не слышит его, и недоуменно спросил:

– Ничего-ничего?

– Да, – подтвердила мама. – Как бы тебе это объяснить...

Его больше нет!

– И не будет? – не поверил он.

– Ну да же!

– Никогда-никогда?!

...Потом они сидели вдвоем на балконе.

Папа, как обычно, задерживался в клинике и ничего не

знал о случившемся. Небо быстро темнело, обсыпаясь звездами, и начинали летать ночные бабочки. Они подлетали к пахучим маминым петуньям, но, заметив людей, испуганно удалялись. Было очень-очень грустно.

– Мама! – осторожно позвал он. – А бабочки тоже умрут?

– Да! – думая о чем-то своем, рассеянно кивнула мама.

Через двор пролетала испугнутая кем-то ворона.

– И птицы?

– И птицы!

Залаяла собака.

– И звери?

– Конечно!

– А... люди? – после долгого молчания, тихо спросил он и услышал:

– И люди тоже!

– Все-все? И папа?!

– Да... – печально отозвалась мама.

– И ты?!

– И я.

И тогда тихо-тихо, едва слыша самого себя, он спросил:

– И я?..

– И ты тоже, сынок... Никто не вечен!

– Но я не хочу... не могу... это нечестно! – умоляюще заглянул он в глаза маме.

– Ой, что это я! – вдруг спохватилась она...

Сколько времени прошло, а до сих пор помнится, как ма-

ма успокаивала его, уверяя, что врачи, конечно, придумают таблетки, которые позволят им дожить до тех пор, пока ученые найдут способ победить смерть.

– Но – ох уж эта мама! – в глазах у неё было столько грусти, а в голосе – неуверенности, что, как она ни старалась, Стас так и не мог до конца поверить ей, хоть жаждал этого больше всего на свете.

Потом, года через три, у него начались панические, ни с чем не сравнимые приступы страха.

Таясь от родителей, он до боли зажимал уши и метался по комнате, чтобы заглушить, отогнать мысли о будущей смерти, которая неодолимой громадой надвигалась на него.

Затем это само собой притупилось, исчезло и вот, кажется, начиналось опять.

«Все что угодно, только не это!» – не на шутку испугался Стас.

Нужно было скорее уходить из комнаты, чтобы не остаться наедине с самим собой, и он торопливо взялся за ручку двери.

3

– Сережа, зачем ты так?! – ахнула мама

На завтрак была манная каша и пышный, с румяной корочкой, омлет.

Мама с папой на повышенных тонах разговаривали о чем-

то своем, взрослом.

– Фу-у! – скривился Стас, увидев самые нелюбимые кушанья, которые и в городе вставляли ему поперек горла.

Отец молча пододвинул к нему тарелку и, не обращая внимания на сына, продолжал беседу.

Стас покорно съел одну ложку, затем, удивленно взглянув на маму, – вторую, третью... и быстро-быстро опустошил тарелку.

– Вку-усно! – искренно, а не для того, чтобы подлизаться к родителям, похвалил он. – Еще есть?

Теперь уже мама молча, но явно не подчеркивая, что он наказан, положила ему добавки.

«Поругались они, что ли?» – не понял Стас и прислушался.

Оказалось, родители были огорчены тем, что вместо этого дома они могли за бесценок купить дом умершей Пелагеи.

– Па! А эта деревня что – вымирающая? – встрял в беседу Стас.

– С чего это ты взял? – удивился отец.

– Так если в ней по два человека в день умирает, то это же... – Стас зашевелил губами и быстро подсчитал в уме: – К осени здесь никого не останется!

– Во-первых, такое бывает не ежедневно! – поправил отец. – А во-вторых, – он недоуменно взглянул на сына: – Почему два?

– Так ведь Пелагея и баба Поля!

– Какая еще баба Поля?

– Ну – Ванина бабушка!

– Фу ты, напугал... Я уж подумал, еще кто умер... – с облегчением выдохнул отец и с улыбкой пояснил: – Пелагея – это и есть баба Поля. Как, например, ты – Станислав и Стасик!

Стаса покорило, что его сравнили с покойницей.

А мама еще:

– Отчего она умерла?

И папа туда же:

– Трудно сказать. Работы тяжелой, наверное, было много. Но и так – почти до восьмидесяти лет дожила!

– Ну, конечно! – с завистью сказала мама. – Она на всем натуральном жила. А нам хоть бы до шестидесяти дотянуть. О детях и думать страшно – что они теперь видят: колодезную воду в бутылках? Кисель со вкусом малины?.. – с жалостью посмотрела она на сына.

«Эх, мама, мама! – с горечью подумалось Стасу. – Да разве это главное?»

Его волновало не то, что он проживет на тридцать лет больше или на двадцать меньше, а что это все равно когда-нибудь кончится... навеки, навсегда... И он задал вопрос, который не решался задать с того, памятного ему с мамой, разговора – слишком уж велика была цена ответа на него:

– Па! А когда изобретут лекарство, чтобы жить вечно?

– Какое еще лекарство?

– Ну – мама говорила!.. – Стас умоляюще посмотрел на отца. – Пусть это будут самые горькие таблетки, самые болючие уколы, я...

Отец с нескрываемым укором взглянул на маму, потом – сочувственно на сына и отрицательно покачал головой:

– Нет, сынок, такого лекарства...

Мама умоляюще дернула его за рукав.

Стас затаил дыхание в ожидании ответа.

– ... Нет, и никогда не будет! – безжалостно dokonчил отец.

Словно сто туч напозло на последний и единственный луч надежды в сердце Стаса. Как ни хорош был деревенский завтрак, он швырнул вилку и выскочил из-за стола.

– Сережа, зачем ты так?! – ахнула мама, и, уже убегая в комнату, он услышал, как отец, то ли оправдываясь, то ли настаивая на своем, ответил:

– А что, твои сказочки, думаешь, лучше? Пусть уж будет горькая правда, чем сладкая ложь!

4

Марцелл вдруг осекся на полуслове и замер...

...Крисп спал так долго и крепко, что даже не слышал, как они прибыли в порт. Проснулся он оттого, что повозка стоя-

ла. Рядом не было ни отца, ни спавшего всю дорогу толстого курьера. Выглянув из-под полога, он увидел не холмы с деревьями, а море и паруса кораблей.

– А где отец? – крикнул он проходившему мимо кучеру.

– Господа курьеры у начальника порта! – откликнулся тот и подмигнул: – Пошли узнать, кому на каком судне плыть!

Крисп торопливо выбрался из повозки, с любопытством огляделся вокруг и стал смотреть на корабли, пытаясь угадать, на котором из них поплывут они.

– Хорошо бы во-он на том! – мечтал он, любуясь самым большим и красивым, с деревянным кентавром на носу. – Или вот! – уже нравился ему другой, военный. – Нет – на этом!!

На его плечо неожиданно легла тяжелая ладонь. Крисп испуганно вздрогнул, но, оглянувшись, увидел отца.

– Проснулся? – приветливо, словно и не было ночного разговора, улыбнулся тот: – Идем!

Вместе с двумя курьерами и важным господином, как понял Крисп – начальником порта, в сопровождении охранников, они направились к причалу.

Путь их пролегал через выложенную каменными плитами площадь. Несмотря на огромные размеры, переполненная суетящимися людьми, заставленная тележками, бочками, тюками, да еще и превращенная в рынок, она была похожа на растревоженный муравейник. Только и слышалось:

– Дешево вожу грузы!

– Колбасы! Горячие колбасы!

– Подайте потерпевшему кораблекрушение!..

– Держите вора!

– Антоний! Кто видел Антония из Селевкии?..

Начальник порта явно чувствовал себя в этой давке как рыба в воде, уверенно держась выбранного направления. Курьеры едва поспевали за ним. Маррелл с Криспом замыкали шествие, и им было труднее всех. Если бы не локти отца, защищавшие его от толчков, ему бы пришлось совсем туго. Помятый, оглушенный, он уже не чаял выбраться с площади.

Наконец они дошли до причала, куда пропускали не всех. Здесь каменные плиты круто обрывались, и между ними и стоявшими на якорях кораблями плескалась вода.

– Этот наш? – нетерпеливо спросил Крисп, когда они остановились у «Кентавра». Но не успел отец ответить, как к трапу направился курьер, ехавший всю дорогу верхом.

– Тогда тот? – указал Крисп на стоявший за небольшим судном «Тень молнии» могучий военный корабль.

Каково же было его разочарование, когда отец стал прощаться с начальником порта именно у этой «Тени молнии»!

– Не гляди, что он с виду меньше других! – посоветовал отец, когда они поднимались по ускользавшим из-под ног ступенькам трапа. – Это один из самых быстроходных кораблей римского флота! Правда, капитан у него на редкость жадный и мстительный человек, но если с ним не связываться, то наше плавание может стать прекрасным морским пу-

тешеством!

– Ага-а!.. – пропуская мимо ушей это замечание, с завистью покосился на возвышавшегося рядом «Громовержца» Крисп. – Другим курьерам – военные дали!

– И что хорошего? – усмехнулся отец. – Поплывут простыми чиновниками при строгих легатах. А мы – хозяевами!

Действительно, капитан корабля поприветствовал отца римским салютом, как боевого командира, и отдал ему рапорт.

Мальчишки всегда мальчишки, а море есть море. «Тень молнии» так увлекла Криспа, что вскоре он позабыл даже про эдикт императора Деция...

За два часа из трех, оставшихся до отплытия, он обежал корабль несколько раз от носа до кормы и все равно находил еще что-нибудь новое. Он узнал, что малый передний парус называется долоном, а нос корабля с украшением – акростолием, познакомился с экипажем, успел даже подержаться за весла, поразившие его своей неповоротливой тяжестью.

В конце концов он выбрался на капитанский помост и огляделся вокруг. Какой смешной и жалкой казалось теперь портовая площадь! Лишь возвышавшаяся над ней статуя Нептуна с трезубцем привлекла его внимание, да и то ненадолго. Увидев, что наверху разглядывать больше нечего, Крисп быстро нырнул в трюм.

Тем временем к Марцеллу подошел капитан – чернобородый испанец, по имени Гилар. Легкой, бесшумной походкой,

быстрыми движениями глаз он удивительно соответствовал названию своего судна. Вот и сейчас Марцелл даже не заметил, как тот оказался за его спиной. Только увидел присоединившуюся к своей приземистой – долговязую тень и услышал просительный, с заметным акцентом голос:

– Есть выгодные попутчики, Фортунат! Как ты смотришь на то, чтобы принять их на борт?

– На курьерском судне это запрещено! – строго напомнил Марцелл. – К тому же у меня секретный эдикт.

– Но... они обещают неплохо заплатить! Выручку – как всегда, пополам!..

Марцелл отрицательно покачал головой.

– Нет?! Что это сегодня с тобой? – с досадой посмотрел на него Гилар. – Ты же всегда шел на это!

– Потому что до этого плавал один! – отрезал Марцелл. – А теперь со мной сын, и я не могу рисковать собой, будь этот попутчик богаче самого Креза!⁴

Марцелл вдруг осекся и замер на полуслове. Взгляд его, равнодушно блуждавший во время разговора по пристани, остановился на невысоком седом человеке в темном строгом плаще, который что-то спрашивал у матросов «Кентавра».

Марцелл несколько мгновений ошеломленно молчал и, вновь обретя дар речи, быстрым движением руки, на которое не был способен даже Гилар, указал на него:

– Узнай... куда нужно этому старику?

---

⁴ Легендарный царь Крез считался богатейшим человеком времен античности.

– Хорошо... – недоуменно пожал плечами капитан, подзвал помощника и передал указание курьера.

С высоты борта Фортунату было хорошо видно, как моряк вразвалку подошел к человеку в плаще и стал расспрашивать его. Как тот, отвечая, показал рукой в море, на юг...

Медленно, ох, как медленно посланный возвратился к «Тени молнии» и прокричал:

– В Селевкию на Оронте!

Это было им более чем по пути!

– Послушай, Гилар! – облизнул пересохшие губы Марцелл и, забывая все, что только что говорил капитану, сказал: – Возьми этого старика. Даже если у него нет денег!

– А что же тогда остальные? – вкрадчиво спросил Гилар. – Они ведь могут из зависти, что мы взяли только его, донести на нас!

– Так, значит, возьми и их!.. Но чтобы этот старик непременно был на нашем судне! Слышишь? Сейчас! Немедленно!!

...В трюме Криспу было не менее интересно, чем наверху. Он узнал, что комната, в которой они будут жить с отцом, называется каютой, а весь корабль обшит свинцовыми пластинами.

– Отец! Знаешь, что я там уви... – закричал он, выскакивая на палубу, и так же, как Фортунат несколькими минутами раньше, застыл, не в силах произнести ни слова. По ступенькам трапа, придерживая рукой полу длинного плаща, на

их корабль поднимался... отец Нектарий!

Глава седьмая

1

– Умереть, что ли?.. – с тоской вдруг подумал он

«...отец Нектарий!» – прочитал Стас и закрыл тетрадь.

Как ни хотелось знать, что будет дальше с Криспом, слова отца не выходили у него из головы. Убегая из-за стола, он отвлекся чтением и теперь, придя в себя, мог поразмыслить спокойно.

Итак, он – смертен, хотя что-то в нем продолжало не верить в это, и согласиться с тем, что его «я» исчезнет без следа...

На улице пошел дождь. Мелкий-мелкий, почти не заметный для глаз, он делал небо, деревья, дома такими, словно Стас смотрел на них сквозь слезы. А может, дождь был совсем ни при чем?

В комнату вошел отец. Увидев сидящего у окна сына, он высказал опасение, как бы его не продуло, и спросил, чем он занимается.

– Как это чем – думаю!.. – пожал плечами тот.

– О чём?

«Что-то похожее я слышал недавно! Или читал?.. – промелькнуло в голове Стаса. – Ах, да – у Криспа с отцом!» И он, невольно подражая Криспу, а может, надеясь, что отец поможет ему, ответил правду:

– О смысле жизни!

– Так я тебе и поверил! – укоризненно покачал головой отец.

– Нет – правда! Честно!.. – от обиды Стас вскочил и прижал ладони к груди.

Сколько раз он обманывал – и друзей, и в школе, того же папу с мамой, ему всегда ничего не стоило солгать, а тут – может, впервые в жизни сказал чистую правду и... не поверили! Да еще в таком важном деле!

Он попытался объяснить все отцу, но тот лишь отмахнулся:

– О смысле жизни – можно и лёжа думать! Давай сюда свой стул – там такой важный гость пришел, что неудобно на табуретку сажать.

И он, забрав стул, удалился к своему гостю. Стасу ничего не оставалось, как последовать совету отца. Только он не лег, а рухнул на кровать и вжался носом в подушку так, что нечем стало дышать.

«Умереть, что ли?..» – с тоской вдруг подумал он. Но – жить хотелось больше. Только как?.. Для чего?..

Родители, ясное дело, помочь тут ничем не смогут. Да он особо и не доверял им. Вон, хотя бы папа – говорит, курить

вредно, а сам курит. Причем, как проговорилась однажды мама, с десяти лет! Они ответят, если, конечно, сами знают, не как есть, а как положено. Обязанность у них такая – родители! Да и стыдно почему-то говорить с ними об этом...

Стас оторвал лицо от подушки и всей грудью вдохнул сытный, свежий от усилившегося дождя воздух.

«Чужие люди и то скорее поймут. Только где сейчас взять этих чужих?.. Гость! – вдруг вспомнил он и принялся рассуждать: – Взрослые любят учить детей... Гость сейчас в доме... И если я сумею...»

– Мам! – закричал он, вбегая на кухню, и сделал вид, что смутился при виде гостя: – Ой, здравствуйте!

Гостем оказался их сосед, которого он уже видел на улице, – хозяин самого большого и красивого дома в деревне.

– Здравствуй! – с улыбкой ответил он и, как все взрослые, посмотрел на родителей, прикидывая, на кого больше похож их сын.

– Чего тебе? – спросил папа.

– Я... есть хочу! – придавая своему голосу жалобные нотки, сказал Стас и действительно ощутил голод, увидев то, что лежало на столе. Соленые, один к одному, в пупырышках, огурчики; маринованные помидоры; сочная, бодрая, сразу видно, что прямо с грядки, зелень и... банка клубничного варенья! К тому же еще мама дожаривала у плиты картошку...

Было от чего сглотнуть слюну!

– Садись! – радушно пригласил его сосед. – Этого в городе не увидишь! Я, брат, сам городской... был! – с внезапной грустью выделит последнее слово и, обращаясь к родителям, добавил: – Между прочим, большим человеком – мэром, вице-губернатором!.. Стал бы и губернатором, но... А, да что там!.. Ты ешь, ешь! – придвинул он к подсевшему Стасу помидоры. – Вот этими самыми руками выращены!

– Надо же! – с уважением заметил отец. – После таких высот – и в земле копать!

– Увы, конечно, но – не без удовольствия! Как в том случае с римским императором!

– С каким таким императором? – поинтересовалась мама, раздавая тарелки с дымящейся картошкой.

– Был такой, представьте себе. После двадцати пяти лет власти добровольно ушел в отставку, поселился в своем имении и стал выращивать овощи! И знаете, что сказал он, когда ему предложили снова стать императором?

– Что? – в один голос спросили Стас с отцом.

Сосед не спеша выпил рюмку водки, хрустко закусил огурцом и ответил:

– Если бы вы видели капусту, которую я вырастил, то никогда б не пришли ко мне с этим! Как же его по имени... Забыл! Помню только, что оно на «Д» начинается... Да он еще гонением на христиан прославился!

– Деций? – промычал сидевший с полным ртом Стас. Встретив уважительный взгляд гостя, а главное – одобри-

тельное покашливание отца, он напряг память и, дополняя пробелы маленькой хитростью, выпалил:

– Крисп Марцелл Скавр Гилар Деций!

– Это что – программа сейчас такая в школе?! – изумился гость.

– Нет, – принялись перебивать друг друга папа с мамой.

– Это он у нас так историю любит!

– Даже на каникулах изучает!

– Молодец! – похвалил сосед.

Стас, чувствуя, что теперь отец наверняка простит его, с победным видом взял еще один помидор, надкусил и... подавился, услышав:

– Вспомнил! Диоклетиан его имя!

Родители смущенно переглянулись и так посмотрели на закашлявшегося сына, что тот понял: ни о каком прощении пока не может быть и речи...

– Да-да! – разглагольствовал между тем бывший мэр. – Я из всех римских цезарей одного лишь его и знаю. И то только потому, что никак не могу понять, как это – самому можно отказаться от власти? Ведь власть – это самое главное, что только может быть в жизни! – Он постучал Стаса по спине и доверительно шепнул: – Поверь, брат, человеку, познавшему ее вкус!

2

– То-то! – отбросил ненужный камень Стас

«Так, значит, смысл жизни – власть?!»

Стас и не мечтал так быстро получить ответ на этот важный вопрос. Он собрался подробнее расспросить Григория Ивановича, что нужно для достижения власти, но тот вдруг стал жаловаться отцу на сердце. Три раза Стасу удалось-таки вклиниться в их беседу, и он узнал, что для руководителя высокого ранга необходимо: а) иметь сильную волю, б) непрекаемый голос, в) нужные связи и, наконец, много знать, то есть хорошо учиться.

Постепенно за столом становилось всё неинтересней. И наконец стало так скучно, что Стас встал и направился к двери.

– Куда ты? – окликнул его отец.

– К себе!

– Побудь пока здесь! Я в твоей комнате Григория Ивановича осматриваю.

– Ладно! – пожал плечами Стас и на всякий случай спросил: – А можно я пока во дворе свежим воздухом подышу?

– Чего это ты о таких пустяках спрашиваешь? – подивился гость.

– Так ведь наказан!.. – сделал жалобное лицо Стас, наде-

ьясь на его заступничество. И не ошибся.

– Ну ты, Сергей, чересчур строг! – укоризненно заметил Григорий Иванович. – В тюрьме и то на прогулки выводят. Иди! – сам разрешил он Стасу, причем так, что отец лишь слабым эхом промолвил:

– Иди-иди...

«Вот что такое власть!! – восторженно подумал Стас, окончательно убеждаясь в правоте гостя. – Отныне она и будет целью моей жизни!»

Он не любил откладывать важное на потом и решил приняться за дело прямо сейчас.

«Так... Что у меня есть и чего не хватает из того, что сказал Григорий Иванович? – выбежав на крыльцо, стал прикидывать он. – Первое – сильная воля... Сегодня же составлю режим дня и с завтрашнего утра начну новую жизнь. Зарядка, чтение, помощь по дому. Подъем – в 7-00! Нет, лучше в 7-30... А впрочем, каникулы же – в 9! Дальше – непрерываемый голос...»

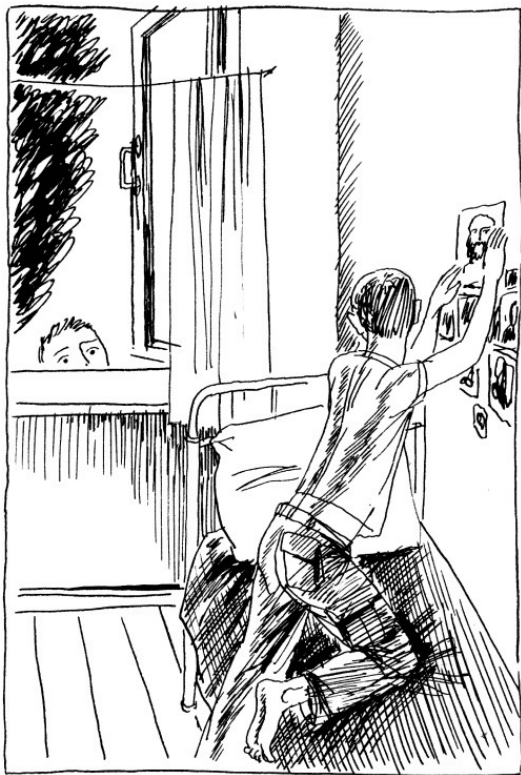
– А ну, пошел вон! – скомандовал он сидевшему на их заборе соседскому петуху.

Тот, наклонив голову, удивленно посмотрел на него и самым наглым образом повернулся к нему своим пестрым хвостом.

«Над голосом придется еще поработать! – понял Стас. – Теперь – связи. У Лешки Семенова из 8-го «Б» отец – помощник депутата. Лешка собирает марки. У меня есть

ненужная коллекция вкладышей от жевательных резинок... И если я сумею обменять их на марки, каких нет у Лешки, то он станет своим человеком! Что там еще? Ах, да – знания!..»

Он впервые пожалел, что не послушал совета мамы захватить в деревню учебники, но тут же вспомнил, что можно взять их у Вани.

Дождь уже кончился, так и не успев пойти в полную силу. Стас спрыгнул с крыльца и принялся деловито ходить по двору. Петух встрепенулся и, не дожидаясь наказания за свою несговорчивость, спорхнул в свой двор.

– То-то! – отбросил ненужный камень Стас. – В следую-

ший раз сразу будешь меня слушаться!

Проявив сильную волю, он обошел все лужи на дорожке, а после, не утерпев, нырнул в заброшенный еще прежними хозяевами сарай.

В другой раз он нашел бы здесь немало интересных вещей. Но сейчас керосиновые лампы, старые бидоны, покосившийся верстак были ему ни к чему. Лопаты, тяпки, заржавленный лом – все это тоже было для подчиненных или начальников на пенсии...

Лишь кипа старых газет и журналов, лежавших в изодранной корзине, привлекла его внимание, потому что на обложке старого «Огонька» была фотография французского президента.

Продолжая думать о своем, Стас развернул этот журнал. Обычно он никогда не читал первых страниц, считая их самыми скучными, потому что там всё было о политике. Но сейчас именно они заинтересовали его, и он стал с жадностью разглядывать президентов, министров, генералов... Их восторженно приветствовали толпы людей; на них нацеливались десятки объективов фотоаппаратов и телекамер; в сопровождении офицеров с саблями наголо они шли мимо рот почетного караула; с важным видом давали интервью журналистам, тянущим к ним диктофоны...

– Да, ради этого, действительно, стоит жить!

Порывшись в кипе, Стас выбрал несколько журналов и понес их домой. Осмотр Григория Ивановича уже закончился.

Гость на кухне застегивал ворот рубашки, а отец говорил, что на его сердце он может дать гарантию хоть на сто лет.

– А чего же оно так болит? – недоумевал гость. – Ночи напролет спать не дает!

Отец принялся выписывать рецепт на самое легкое лекарство, что тоже было неинтересно Стасу.

Он прошел в свою комнату и вырезал из журналов наиболее впечатляющие, по его мнению, снимки. Затем снял со стены оставшуюся от прежних хозяев старинную икону, стянул из папиной аптечки лейкопластырь и стал расклеивать их над кроватью.

Не успел он прикрепить на самом видном месте портрет шведского короля, как за окном послышался взволнованный голос Вани:

– Стасик! У вас Ленки нет?

– Нет, а что? – высунулся из окна Стас.

– Пропала!

– Как пропала?! Ты в медпункте был?

– Конечно!

– А у соседей смотрел?

– И там нет...

– Так сходи в магазин, на ферму! – вспомнив о непрерываемом голосе, начал распоряжаться Стас.

– Ходил уже! Нет нигде...

– Значит, плохо ищешь! В контору сбегай!

– Да я и так уже всю деревню обегал! – пожаловался Ваня

и удивленно заморгал: – А чего это ты раскомандовался?

– А что – заметно? – обрадовался Стас.

Но Ваня вместо ответа лишь отмахнулся и побежал дальше – разыскивать сестру.

– Так, начало положено! – довольно потер ладони Стас, провожая его взглядом. – Даже Ванька заметил, как изменился у меня голос, и помчался ведь не куда-нибудь, а в контору! И это еще только начало!..

Он приклеил лейкопластырем закрутившиеся концы фотографии короля и стал прикидывать, как лучше разместить оставшиеся снимки. – Эх, Деция бы сюда! – вдруг вспомнилось ему. – Вот у кого была власть так власть!

Стас вдруг вспомнил, что во времена Деция брали старые статуи и писали на них имя нового правителя, сбегал в родительскую комнату, вырезал из отцовской книги портрет какого-то римлянина или грека, фломастером подписал его «Деций» и прикрепил выше всех современных снимков.

Он захотел еще спросить Григория Ивановича, в каких институтах готовят будущих правителей, но, выйдя на кухню, увидел, что того уже нет, а на его месте сидит новый гость.

3

– Что-о-о?! – возмутился дядя Андрей

Это был – Стас так и застыл в дверях – крупный мужчина

с плечами штангиста и руками боксера. Он был такой огромный, что обычный стул под ним казался детским, а на кухне сразу стало тесно.

На столе, затеяя остатки угощения Григория Ивановича, лежали: кусок ветчины, палка самой вкусной на свете твердокопченной колбасы, над которой с ножом колдовал отец, и нарезанное морозными ломтиками сало.

Мама, ахая, восторгалась здешними ночами:

– Соловьи-то у вас как поют! Ну, прямо совсем как по телевизору.

– Да, – соглашался гость. – Полезная птица. Хорошо комаров заглушают!

– Ваш? – заметив Стаса, пророкотал он густым басом и, не дожидаясь ответа, протянул похожую на ковш экскаватора руку: – Меня зовут дядя Андрей. А тебя?

– Станислав! – отозвался Стас, не в силах назвать себя перед такой горой Стасиком, и почувствовал, что его ладошка утонула, словно ручеек в бездонном озере.

– Угощайся!

– Спасибо! – зная по опыту, что взрослые просто тают, когда с ними говоришь вежливо, отказался Стас. – Я... сыт!

– Этим?! – сморщился, кивая на зелень, гость, забрал у отца нож и, отхватив такой кус ветчины, какой мама покупала им в день получки на целую неделю, протянул Стасу: – Ешь, а то... еще больше отрежу!

И захохотал, точнее, загрохотал, довольный своей шут-

кой.

– Всю жизнь бы так угрожали! – усмехнулся про себя Стас и положил толстый пласт ветчины на тонкий кусок хлеба (в городе все было бы наоборот!).

– Что, вкусно? – ласково посмотрел на него дядя Андрей.

– Угум-м! М-мм! – закивал головой Стас. Этот гость сразу понравился ему.

– Вот и радуйся, вот и наслаждайся! – поучал дядя Андрей с таким лицом, словно сам ел этот бутерброд. – Для этого нам, собственно, жизнь и дана!

– А... вл-м-мм-сть? – вспомнив предыдущего гостя, спросил Стас.

– Что? – не понял дядя Андрей.

– Власть, говорю! – проглотил мешавший говорить кусок Стас. – Разве не она – самое главное?

– Кому как! Мне лично ее и даром не надо!

– Как это?! – опешил Стас.

– А что в ней хорошего?

– Ну... все тебя слушают, фотографируют, слава, почет!

– Да, это, конечно, приятно! Понимаю твой юношеский пыл, сам когда-то мечтал стать космонавтом, но... – Гость значительно поднял указательный палец. – К счастью, вовремя понял, что главное в жизни – это ни в чем себе не отказывать. И всё иметь. Один раз ведь живем!

– Слушай-слушай, что умные люди говорят! – посоветовала отцу мама и пожаловалась: – А у нас, представьте себе,

все наоборот. Не знаем, как дотянуть до следующей зарплаты. Зато он – начальник отделения, кандидат, без пяти минут доктор наук, профессор!..

– А вдруг он так и до министра дойдет? – заступился за папу Стас и подумал: вот было бы здорово, если бы тот и впрямь стал министром!

Но дядя Андрей рассудил иначе.

– Что ты, что ты! – испуганно замахал он руками. – Министром!.. Это ж такая должность: того не скажи, туда не пойдешь, этого не сделай, чтобы политики не испортить, всё время под охраной – да разве же это жизнь?!

– А вот Григорий Иванович говорит... – начал, было, Стас, но гость пренебрежительно усмехнулся:

– Слушай его больше! Когда он главным человеком в районе был, не спорю, сам ему завидовал. А теперь? Ну, кто он теперь? – Он посмотрел в окно на соседний дом таким же взглядом, как недавно на зелень. – Не-ет, мне такого удовольствия, чтоб только на несколько лет, не надо! Мне на всю жизнь его подавай! Я и жил так всегда, да вот беда – в последнее время сдавать что-то начал! – обращаясь к отцу Стаса, пожаловался он. – Раньше, бывало, ударом кулака быка валил, а теперь...

– А кем вы работаете? – переходя на тон врача, спросил Сергей Иванович.

– На бойне и по частным заказам, когда скотину дома режут! – объяснил дядя Андрей, и Стас, покосившись на него,

понял, что про удар кулаком он сказал не для красного словца...

Тем не менее отец, померив дяде Андрею давление, сказал, что тому надо срочно переходить на диету, если он хочет подольше наслаждаться жизнью.

Дядя Андрей с изумлением спросил, для чего тогда, собственно, жить? Отец тоном врача ответил ему.

Между ними начался спор.

И так как дядя Андрей, багровея лицом, начал пересыпать свою речь бранными словами, мама дала знак сыну, чтобы тот немедленно покинул кухню...

4

...Что-то нехорошее, злое шевелинулось в сердце Стаса

Вернувшись в свою комнату, Стас подошел к стене и, точно учитель провинившихся учеников, оглядел министров, президентов и генералов. Всего час назад они казались ему самыми удачливыми на свете людьми. А теперь... Стоило ли так стараться, если то, что он услышал – правда?

Первым его желанием было сорвать все эти вырезки, но, поразмыслив, он лишь махнул рукой:

– А! Пусть висят... Вдруг дядя Андрей что-то не понимает? Он ведь сам не был начальником, как Григорий Иванович, и не познал вкуса власти! Хотя просто наслаждаться

жизнью – тоже, конечно, здорово! Этому даже и учиться не надо!..

Стас плюхнулся на кровать и, задрав ноги на изогнутую по-старинному спинку, стал доедать бутерброд.

Он наслаждался его вкусом, деревенским воздухом, тишиной, льющимися из открытого окна; упивался мыслями, как сладко теперь будет жить, когда вырастет...

Однако прошло пять... десять минут, и ему вдруг стало не хватать привычного городского шума и знакомых, пусть не таких чистых, как тут, запахов родного двора. А когда кончился бутерброд, оказалось, что наслаждаться-то больше и нечем! Разве что чтением? А почему бы и нет – он как раз остановился на самом интересном месте...

Стас потянулся к тетради, но, взглянув на жирные пальцы, побежал мыть руки.

Дяди Андрея уже не было, и на кухне снова стало просторно.

– А папа где? – гремя ручкой, поинтересовался Стас, и, как это бывало в городе, когда отец задерживался на работе, услышал мамино недовольное:

– Где-где... В медпункте, конечно! Собрал в пакет то, что нам принесли, и пошел навещать вашего священника.

– Почему это нашего?

– Ну вы же его нашли!

– Как! Он и колбасу унес? – открыв холодильник, ахнул Стас. – Я ведь ее даже не попробовал!

Что-то нехорошее, злое шевельнулось в сердце Стаса.

– Что, гулять хочется? – видя его недовольное лицо, спросила мама.

– Все равно ведь нельзя!.. – буркнул Стас.

– А ты как хотел? – с вызовом уточнила мама. – Совсем от рук отбился! Мы с папой все для тебя делаем, ни в чем не отказываем, а ты...

– Что я?

– Грубишь на каждом шагу! Курить начал!

– Да я только попробовал! – приложив ладони к груди, соврал Стас. – Макс заставил – попробуй у него отказаться!..

– Да? – немного смягчилась мама, но тут же снова нахмурилась: – А в карьер почему пошел?

– А это все Ванька! – опять стал выкручиваться Стас. – Он меня туда затащил, а наказан – я! Можно хоть на лавочке под окном посидеть? Книжку по истории почитать, а?..

– Прямо не знаю, что с тобой делать! – покачала головой мама, и Стас, видя по ее глазам, что она согласна, кинулся за тетрадью...

5

Все было ясно: отец нанял себе шпиона...

Над Эгейским морем шел дождь.

Ветер, пригнавший непогоду, порывами налетал на ку-

рьерское судно. Парус то выгибался дугой, словно стремясь сорваться с реи и помчаться вслед за низкими тучами, то бессильно болтался, отяжелев от воды. В конце концов капитан приказал матросам убрать его, и за весла взялись гребцы. Под мерные хлопки задававшего ритм келевста⁵ они принялись за свою нелегкую работу.

Прошло больше суток, как «Тень молнии», принеся в жертву Нептуну амфору с вином, вышла в открытое море, а Криспу до сих пор не удалось поговорить с отцом Нектари-ем.

Когда он увидел его на судне, то сразу бросился к нему. Но добежать до пресвитера ему не удалось. На полпути между ними вырос Марцелл. Ни разу в жизни Крисп не видел отца таким...

– А ну стой! – больно схватил он за руку сына и свистящим от злобы шепотом предупредил: – Я запрещаю тебе подходить к этому... – отец даже не смог сразу найти подходящее слово. – Этому смутьяну! Узнаю – прикажу заковать его и держать в трюме до того самого дня, который ты так хотел выдать ему!

После этого Марцелл разрешил капитану принять на борт попутчиков и велел выделить в его распоряжение одного из самых расторопных членов экипажа. Гилар понимающе кивнул, на судно поднялись обрадованные люди, а к Марцеллу подбежал бойкий киликиец. Это был худощавый юноша,

---

⁵ Келевст – начальник гребцов на судах в древности.

чернявый и смуглый, как все малоазийцы, всего на год-другой старше Криспа.

– Юнга Максим! – уродуя латынь варварским акцентом, отрапортовал он и впился глазами в начальника над самим капитаном!

Марцелл придирчиво осмотрел юношу и, насколько знал своего отца Крисп, остался доволен.

– Чем ты занят на судне? – строго спросил он.

– Уборкой палубы, слежу, чтобы в чане всегда была чистая питьевая вода, – принялся перечислять юнга. – И еще смотрю с мачты на море, нет ли пиратов...

– Какие теперь пираты! – усмехнулся Марцелл. – Это раньше они были как правило, а теперь как исключение! Хочешь заработать? – спросил он, показывая серебряную монету.

Никогда Крисп не встречал в людях такой жадности к деньгам.

Глаза юнги вспыхнули, он облизнулся и всем телом подался вперед, в готовности выполнить любую команду.

Однако Марцелл зажал монету в кулаке и кивнул на келевста, подгонявшего плетью нерадивых гребцов:

– А получить десяток-другой ударов?

Юнга, не сводя глаз с кулака, отрицательно затряс головой.

– Тогда, если хочешь получить денарий и не быть битым, – понижая голос, продолжил отец, – слушай меня внимательно-

но...

Что именно поручил он юнге, Крисп разобрать не смог. Но вскоре и так все стало ясно. Едва отойдя от Марцелла, юнга сразу начал следить за отцом Нектарием. Он то и дело проходил мимо него или заговаривал с кем-нибудь поблизости, беспрестанно поглядывая в сторону пресвитера, а после и вовсе забрался в марсовую бочку на рее, откуда весь корабль был как на ладони.

Все было ясно: отец нанял себе шпиона, чтобы знать о каждом шаге ненавистного ему врага. И он не ошибся в выборе. Юнга отработывал обещанную награду так старательно, что лишал Криспа всякой надежды поговорить с пресвитером. А ему так важно было сказать отцу Нектарию, что отец знает все, и посоветовать бежать, когда тот отправится в ближайшем порту относить эдикт императора наместнику провинции.

Но шел час за часом. Марцелл почти не уходил с кормы корабля. Даже когда он ненадолго спускался в каюту, на палубе оставались его глаза и уши – юнга Максим, для которого, казалось, не существовало ни сна, ни усталости...

И Крисп стоял на капитанском помосте, делая вид, что смотрит в морскую даль, как настоящий наварх⁶, а на самом деле искоса наблюдая за отцом Нектарием, который, вместе с остальными попутчиками прятался от дождя под навесом, на носу корабля.

---

⁶ Наварх – морской командующий, капитан.

Всего каких-то два десятка шагов разделяло их, но запрет отца и зоркий взгляд юнги делали это расстояние большим, чем до невидимого берега.

Несколько раз Криспу удалось встретиться глазами с отцом Нектарием. Тогда он отчаянным взглядом показывал на прикрытые кожаным пологом лавки гребцов, где можно было переговорить накоротке, пока юнга спустится с реи. Но пресвитер или не понимал его, или делал вид, что не понимает – всякий раз он лишь приветливо улыбался и чуть приметно делал рукой благословляющий знак.

Терпение Криспа стало иссякать.

«Будь что будет! – решил наконец он. – Как только отец Нектарий снова посмотрит на меня, крикну, что мне срочно нужно сказать ему что-то очень важное!»

Но пресвитера, как нарочно, заслонял игравший в кости с соседом тучный купец.

Время, казалось, стало измеряться испорченными песочными часами, в которых забились отверстие...

Крисп был в отчаянии. И когда он решил, что никто и ничто уже не может помочь ему, помощь вдруг пришла. Причем, как это нередко бывает, с той стороны, откуда он никак не ожидал ее!

6

От неожиданности Стас медленно привстал...

Где-то далеко за углом засигналила машина и послышался яростный собачий лай. Стас приподнял голову. Лай нарастал. Судя по всему, из глубины улицы, едва ли не от самой церкви, приближалась нагоняемая собаками машина.

И хотя Стас понимал, что здесь не может быть ничего интересного, кроме истрепанной местными дорогами «Нивы» или «Жигуленка-копейки», он оторвался от чтения и с интересом стал ждать. Всё какое-то развлечение среди деревенского однообразия, нарушаемого лишь редкими прохожими да стадом коров, которое утром и под вечер прогонял однорукий дед Капитон. (Леночка, конечно же, называла его Капитаном!)

Лай был уже где-то рядом с колодцем. Наконец стал слышен подозрительно мягкий звук мотора, и из-за поворота выехал, нет, важно выплыл, блестя тонированными стеклами, шикарный «БМВ».

От неожиданности Стас медленно привстал, роняя с коленей тетрадь. Такую машину и в Москве не часто увидишь, разве что у посольств да крупных банков. А здесь, в деревне... Это было все равно что поставить белый рояль посреди сарая!

Но самое удивительное было то, что машина остановилась прямо у их дома. А дальше и вовсе... Из «БМВ» выскочил молодцеватый водитель и открыл дверцу... перед его отцом. Правда, мгновением раньше из машины выскочил и принялся кидать камнями в собак какой-то парень. Но что было до него Стасу? Во все глаза он глядел на отца. Последним появился невысокий плотный мужчина с прической «под ёжик». Он не был ничем примечателен. Разве что только толстой сумочкой под мышкой, которая выдавала в нем делового человека?..

И тем не менее отец с почитительностью, которую не выказывал даже Григорию Ивановичу, пригласил его в дом.

Стас проводил их ничего не понимающим взглядом и заметался между открытыми окнами, в надежде узнать, что будет дальше. Наконец из родительской комнаты послышались голоса.

Стас приподнялся на носки и вытянул шею, чтобы не только слышать, но и видеть происходящее, как вдруг за спиной раздалось торопливое:

– Эй, слышь?

Позади стоял тот самый парень, что отогнал от машины собак. Он был всего на год-два старше Стаса, но уже с тяжелой золотой серьгой в ухе, в которой, судя по дорогим кроссовкам и джинсам, сверкал настоящий бриллиант.

– Слышь... – повторил он, косясь на ходившего вокруг машины водителя. – Как там тебя?

Стас назвал свое имя и для солидности – что он еще мог противопоставить такой серье и одежде – добавил, что только отдыхает в деревне, а вообще-то из Москвы и его отец – кандидат, без пяти минут доктор медицинских наук.

– А я – Ник! – протянул какую-то холодную, безвольную руку парень. – Это хорошо, что ты здесь давно, и что твой отец – доктор. Помоги дозу найти!

– Чего? – не понял Стас.

– Ну «герик», «герик»! Ты что – русского языка не понимаешь?

– Нет... то есть да! – растерянно забормотал Стас, начиная догадываться, что речь идет о наркотиках. – Ты что?! Я в такие игры с детства не играю! Если тебе надо – в медпункт сходи!

– Был уже... – с досадой отмахнулся Ник. – Меня там отец и застукал. Кстати, как раз и с твоим познакомился...

– Тем более! Как я теперь у своего что-то могу просить?

Ник разом потерял интерес к Стасу, побрел к машине и плюхнулся на заднее сиденье, не закрывая дверцы.

Стас мог теперь без помех подслушивать, но все уже и так было ясно: Ник – наркоман, а Игорь Игоревич, его отец, просит помочь сыну, который будет гостить в соседней деревне у бабушки, под опекой водителя-телохранителя Саши.

Игорь Игоревич говорил редко и коротко, словно давал телеграмму, где каждое слово стоит немалых денег.

Отец, наоборот, отвечал длинными, мудреными фразами,

как, наверное, и положено ученому врачу.

Такой разговор быстро наскучил Стасу. К счастью, в машине запищал мобильный телефон, и водитель бросился с ним к дому:

– Игорь Игоревич, вас – Дуглас из Сан-Франциско!

– Я занят! – раздалось над самой головой Стаса.

– Всё, что только можно было – перепробовали! – с болью в голосе, уже приглушенно продолжал отец Ника. – Немного продержится и опять... А после – снова ломка! Я боюсь, как бы он не сделал что с собой от одного только страха перед ней. Вы, как медик, уж помогите, если что...

– Да-да, чем смогу!

– Вот и договорились. Сколько я вам должен?

– Вообще-то в деревне, на отдыхе, я беру, как говорится, натурой, точнее – натуральными продуктами! – засмеялся отец и посерьезнел: – А в городе, учитывая ученую степень и высшую квалификацию, – бывает, что и две-три тысячи за курс лечения...

– Не вопрос! – отрезал Игорь Игоревич и зашелестел газетой, очевидно, заворачивая деньги. – Вот вам три тысячи. И... еще – на мелкие расходы.

Отец, скорее всего, начал отказываться от денег, потому что Игорь Игоревич с мягкой настойчивостью сказал:

– Берите – мое спокойствие это тоже деньги, и, поверьте, немалые! Если бы вы знали, сколько я потратил на это – и всё без толку...

Кляня наркотики, Игорь Игоревич говорил, что наука вот-вот изобретет скоро эффективное средство, надеялся на новое лекарство в Америке, куда вылетает на днях по делам... Теперь он не скупился на слова, так что получалась уже не телеграмма, а целое письмо. Отец же, словно поменявшись с ним ролями, отвечал скупо и односложно. Он словно не верил, что желание Игоря Игоревича может осуществиться в ближайшем будущем, и наконец сказал:

– На сегодняшний день я знаю только одно надежное средство борьбы с наркозависимостью.

– Какое? – вскричал Игорь Игоревич и, судя по быстрым шагам, вплотную подошел к отцу: – Вы можете достать его? Если действительно поможет – плачу миллион! Долларов, разумеется! Наличными!

Стас заглянул в окно и увидел, что Игорь Игоревич умоляюще смотрит на отца, а тот отрицательно качает головой:

– Увы! Единственное средство от наркотиков – не пробовать их вообще!

После этого наступило молчание. Такое долгое, что Стас устал ждать, да и – что нового могли сказать их с Ником отцы? Он направился к машине. Обошел её, разглядывая со всех сторон...

– Нравится? – поигрывая брелком с ключами, с усмешкой спросил у него водитель.

– Еще бы!

– Это что, видел бы ты лимузин Игоря Игоревича!

– А Дуглас – кто? – спросил Стас.

– Чужие разговоры подслушиваешь? – притворно нахмурился водитель, но, видно, ему тоже было скучно, доверительно шепнул: – Это – директор одного оч-чень крупного банка в Америке.

– А... кто же тогда он?! – ахнул Стас.

– Кто? – переспросил водитель, точно не понимая, о ком идет речь.

– Ну этот, ваш... сам... Игорь Игоревич! Тоже директор банка?

– Ха! – презрительно усмехнулся водитель. – Бери выше!

– Депутат?

– Само собой! Выше бери!

– Тогда... генерал?..

– Еще выше!

– Министр?!

– Выше, выше!

– Но ведь у нас президент... – начал, было, Стас и услышал:

– Да что президент по сравнению с моим шефом!

– Как что? У него – власть!

– Ну и что?

– А я слышал, – выпалил Стас, пользуясь случаем, чтобы узнать еще одно мнение о смысле жизни. – Что самое главное в жизни – это власть и... еще жить в свое удовольствие!

– Верно, – кивнул водитель. – Но только с пустым кошель-

ком к власти не ходят. И за удовольствия тоже надо платить. Значит, что главное в жизни?

– Деньги?.. – воскликнул Стас, потрясенный таким простым открытием.

– Да, но только большие, оч-чень большие деньги!

– И... как же их заработать?

– О, а это уже коммерческая тайна! – Водитель посмотрел на разочарованно вытянутое лицо Стаса и поманил его к себе пальцем: – Ладно, так уж и быть... У меня к тебе, как это принято говорить в мире бизнеса, деловое предложение. Я скажу, а ты займи чем-нибудь Ника, пока я отлучусь на минутку. И вообще – подружился бы ты с ним... Это только кажется, что у него есть всё. А на самом деле – никого и ничего!

– Ладно! Хорошо! – охотно согласился Стас

– И еще... если заметишь, что кто-нибудь из местных начнет наезжать на Ника или он сам на кого, сообщи мне! А уж я... – водитель поиграл буграми мышц и похлопал по чему-то твердому под своей курткой.

– Это что – газовый пистолет? – с уважением уточнил Стас.

– Ха! – презрительно хмыкнул водитель.

– Настоящий?!

– Выше, выше бери!

– Неужели автомат?

– Еще выше!

– Ну, не гранатомет же?

– Конечно, нет! Но... на десяток-другой нападающих хватит! Ну так как – договорились?

– Да! Да!! – радостно закивал Стас, готовый пообещать в эту минуту все что угодно, и впился глазами в водителя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.